

СЕРГЕЙ
СВАТИКОВ

РОССИЯ

ВОССТАНИЕ

ИСТОРИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

1549

1917

ДОНСКАГО

Сергей Сватиков

**Россия и Дон. История
донского казачества 1549—1917.**

«Центрполиграф»

1924

УДК 94(47.06)

ББК 63.3(2)

Сватиков С. Г.

Россия и Дон. История донского казачества 1549—1917. /
С. Г. Сватиков — «Центрполиграф», 1924

ISBN 978-5-227-09122-2

Предлагаем вашему вниманию адаптированную на современный язык уникальную монографию российского историка Сергея Григорьевича Сватикова. Книга посвящена донскому казачеству и является интересным исследованием гражданской и социально-политической истории Дона. В работе было использовано издание 1924 года, выпущенное Донской Исторической комиссией. Сватиков изучил колоссальное количество монографий, общих трудов, статей и различных материалов, которые до него в отношении Дона не были проработаны. История казачества представляет громадный интерес как ценный опыт разрешения самим народом вековых задач построения жизни на началах свободы и равенства. В последнее время научные выводы Сватикова, касающиеся казачьей истории, оказались востребованными зарубежными и отечественными исследователями. Книга обстоятельна, глубока и будет интересна не только профессиональным историкам. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47.06)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-09122-2

© Сватиков С. Г., 1924

© Центрполиграф, 1924

Содержание

Предисловие	6
От Донской исторической комиссии	9
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Григорьевич Сватиков
Россия и Дон. История донского казачества
1549–1917. Исследование по истории
государственного и административного
права и политических движений на Дону

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Первоначальный очерк этой работы, носивший название «Государственно-правовое положение Дона в XVI–XX вв. (1549–1919)», был написан автором в эпоху Гражданской войны на юге России, в 1918–1919 гг., на основании материалов, имевшихся в следующих учреждениях: в Донском музее; в делопроизводстве Донского войскового круга в Новочеркасске; в библиотеках – Донского (государственного) университета, Ростовского-на-Дону общества истории и древностей, Ростовской городской публичной и в библиотеке покойного Г.С. Сватикова – в г. Ростове-на-Дону. Очерк этот касался периода государственного бытия Дона (1549–1721), истории донской автономии и донского областничества в эпоху империи (1721–1917) и судеб Дона в эпоху революции (1917–1919).

Осенью 1919 г. книга эта печаталась в Новочеркасске, в областной типографии. К декабрю готова была к выпуску из типографии первая часть книги (с подзаголовком: «Ч. I. Эпоха 1549–1721 гг.». Новочеркасск, 1919. 110 с.). Приближение фронта Гражданской войны к столице Дона повлекло за собою спешную эвакуацию материалов областной типографии, в том числе и названной книги. В марте 1920 г. на станции Крымская (Кубано-Черноморской железной дороги) вагоны с имуществом Донской экспедиции заготовления государственных бумаг и областной типографии были брошены на произвол судьбы и подверглись разграблению. При этом погибла и книга. Лишь несколько экземпляров ее сохранилось у разных лиц на юге России.

Автор продолжал свою работу в Париже, в библиотеках: Русской общественной имени И.С. Тургенева, Польской, Национальной, Музея войны, Сорбонны и Школы восточных языков. Фонд русских книг, имеющийся в означенных библиотеках, позволил автору закончить работу, посвященную истории Дона, Яика, Терека, Кубани, а также Запорожья и Украины (в их отношениях к России). В 1922/23 учебном году работа эта предложена была им студентам Парижского университета в форме курса (на французском языке), посвященного народам Юга России. В том же году автор прочитал этот курс, в сокращенном виде, в Institut des Hautes Études в Брюсселе.

Часть работы, касающаяся Дона и подробно разработанная, выделена автором и ныне издается Донской исторической комиссией.

Помимо ряда монографий, общих трудов и отдельных статей, упомянутых в тексте, автор использовал следующие сборники материалов, по большей части никем еще в отношении Дона не проработанных: Полное собрание законов (первое, второе и третье); Собрание государственных грамот и договоров (т. I–V); Акты археографической экспедиции (особенно т. III); Акты исторические (т. I–V); Дополнения к Актам историческим (т. I–XII); Русская историческая библиотека, Донские дела (т. I–V); Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором Лишиным (т. I, II, III, ч. 1 и 2, и дополнение); Грамоты, материалы для истории Войска Донского. Новочеркасск, 1864; Акты Московского государства. Разрядный приказ (т. I–III); Труды Донского Войска Статистического комитета (т. I, 1867; т. II, 1872); сборники областного Войска Донского Статистического комитета (т. I–XIV); «Донского Войска ведомости» (1849–1870) и «Донские областные ведомости» (1870–1917); Записки Ростовского-на-Дону общества истории и древностей; Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903; Статистическое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1891; сборники Императорского Русского исторического общества (тома, касающиеся законодательной комиссии 1767 г.; кн. А.И. Чернышева; дипломатических сношений с Крымом); Столетие Военного министерства. Т. XI. Ч. 1 и 2; Архив Государственного совета; Воронежские акты, Воронежский юбилейный сборник; Записки Одесского общества истории и древностей; Свод законов; сборники узаконений и распоряжений по казачьим войскам; Стеногра-

фические отчеты Государственной думы и ее комиссии (I–IV созывов); журналы: «Право», «Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Былое», «Минувшие годы», «Голос минувшего», «Древняя и Новая Россия», наконец, вся русская заграничная печать.

Старые воззрения в области государственного и национального единства России были построены на основе механического объединения земель, областей, национальностей, на основе централизации и чисто внешнего единообразия форм, на основе подавления всех местных особенностей, национальных и бытовых. Этим воззрениям соответствовали и построения в области русской истории, а также истории и теории русского государственного права.

Между тем, фактически, старая Российская империя была конгломератом областей, в которых, наряду с имперским правом, действовали остатки местного, сепаратного права. Оставляя в стороне царство Польское и Финляндию, такими областями были: Прибалтика, Бессарабия, Украина, обладавшие во время своего пребывания в составе империи различной степенью и полнотой автономных прав. Профессор Б.Э. Нольде, в статье своей о «Единстве России», еще в 1910 г. сгруппировал воедино и сделал впервые блестящий анализ исторического, автономного права Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, старой Финляндии (1710–1809), Бессарабии, губерний, отошедших от Польши, и Украины¹.

Но ни один еще русский историк не дал цельной истории русских колоний и взаимоотношений их с метрополией, истории русского областничества (сибирского, волжского, донского). Ни один еще историк русского права не отметил государственного бытия республиканских колоний Юга и Юго-Востока России, не изложил историю автономии этих колоний в эпоху империи.

Между тем Дон, Яик, Терек, Запорожье были вольными республиканскими колониями. Правда, еще Карамзин называл Войско Донское «республикой». Но вопрос о государственном бытии Дона никем не ставился. В 1907 г. Бородин в статье о казаках (в «Политической энциклопедии») сказал несколько слов о том, что казачьи войска (Донское, Яицкое, Терское и Волжское) были «демократическими республиками». Но впервые эта мысль была развита и обоснована автором этих строк в помянутой выше книге: «Государственно-правовое положение Дона в XVI–XX вв.» (Новочеркасск, 1919).

В 1923 г., в историческом сборнике «Русское прошлое» (вып. III, Петроград), С. Тхоржевский пришел к тем же выводам в статье своей: «Донское Войско в первой половине XVII века». Вслед за автором этого исследования Тхоржевский полагает, что Войско Донское имело «все признаки, которые... почитаются необходимыми для государства: свою производную власть, территории, население, право международных сношений». Подобно автору настоящей книги, Тхоржевский полагает, что «Донское Войско следует считать вассальным государством, находящимся под сюзеренитетом Москвы». Автор считает долгом отметить, что русская научная мысль, разделенная расстоянием и разного рода преградами, работает в одном направлении и самостоятельно приходит к одинаковым выводам.

После статей автора, посвященных в «Донской летописи» истории Донского войскового круга, истории терского и уральского казачества, после настоящего труда, посвященного исключительно гражданской и социально-политической истории Дона, вряд ли возможно будет оспаривать государственное бытие русских вольных колоний. Не менее несомненно и существование автономного права этих колоний после присоединения этих колоний к России (1721–1917).

Заглавие книги дано Донской Исторической комиссией. Но, противопоставляя Россию, как метрополию, Войску Донскому, земле донских казаков, как колонии, ни комиссия, ни автор не задавались целью обосновать необходимость какого-либо выделения Дона из общенационального единства. Для автора в особенности социально-политическая история Дона имела

¹ Нольде Б. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.

интерес чисто научный. Развитие донского исторического права, коллизии его с имперским правом, судьбы донской автономии, история управления на Дону, эволюция прав донского казачества – все это темы, достаточно оправдывающие научную необходимость настоящего труда. Однако для лиц, чуждых Дону, не бесполезно будет ознакомиться со своеобразной историей этого края. Это ознакомление с прошлым донского казачества «устранит многие недоразумения и предубеждения и установит на казачество взгляд, соответствующий назначению и роли его в истории русского государства». Такова надежда Донской Исторической комиссии и автора.

В настоящем томе изложение доведено до 1 марта 1917 г. Книга, посвященная истории Дона в эпоху революции (1917–1924), выйдет отдельно.

С.Г. Сватиков

От Донской исторической комиссии

Историческая литература о казачестве не богата. В ней излагается преимущественно его военная история, описываются воинские подвиги и доблести казачества.

Поэтому в широких кругах русского общества более или менее известна историческая служба казачества по охране и расширению границ государства, его участие в многочисленных войнах России сначала как иррегулярных, а позже казачьих воинских частей.

Известны имена прославленных военными подвигами вождей казачества – графа Платова, Бакланова, Слепцова.

Серьезных исследований, посвященных вопросам происхождения казачества, как самобытного явления русской жизни, политических и социальных процессов его жизни, в русской литературе не было.

Такие крупные явления в жизни казачества и России, как движение Степана Разина, Кондрата Булавина, Игната Некрасова, Емельяна Пугачева, по условиям времени и цензуры не могли быть подвергнуты всестороннему изучению; материалы и работы о них не могли быть полностью опубликованы.

Между тем история казачества представляет громадный интерес как ценный опыт разрешения самим народом вековых задач построения жизни на началах свободы и равенства.

Казачество – это не книжный, а практический, жизненный путь исканий и достижений форм человеческого общежития на началах народоправства.

Казачество возникло и развивалось в жестокое время рабства русского народа, являясь могучим протестом, идущим из глубины народных масс против духовного и телесного рабства человека, против лишения массы русского народа его человеческих и гражданских прав.

Получить «казачьи права» было идеалом русского крестьянина в социальных движениях XVII и XVIII вв. Эти движения зарождались и развивались в областях, живших на «казачьем праве», первым опытом изучения которого является настоящая книга.

Идеалы казачества живы и до настоящего времени. В начале русской революции 1917 г. одному видному русскому политическому деятелю принадлежит крылатое слово: «Будущая новая Россия будет строиться по казачьему образцу. Россия должна оказачиться...»

Быть может, слова эти оправдаются, когда русский народ, добившись свободы, начнет сам строить свою новую жизнь.

Быть может, он использует почти четырехвековой опыт своего детища – казачества, которое строило свою жизнь на началах свободы, равенства и братства, о которых сотни лет мечтает русский народ.

Комиссия будет считать себя удовлетворенной, если изданная ею книга С.Г. Сватикова «Россия и Дон» даст возможность русскому обществу подробнее ознакомиться с казачеством, а казакам всех казачьих войск России вспомнить по истории своего старшего брата – Тихого Дона – славные заветы седой казачьей старины для возрождения их в новой, Великой России.

Комиссия считает долгом выразить искреннюю благодарность автору книги Сергею Григорьевичу Сватикову за его многолетние труды по изучению общественно-политической жизни донского казачества.

Глава 1

Политические судьбы Дона в течение 375 лет. 1549–1924 гг

Войско Донское возникло 375 лет назад (около 1549 г.). Это была, одновременно, и община донских казаков, и военная организация («Войско»), и вольная республиканская колония русского народа. Вдали от тогдашних пределов Московского царства, отделенные от него обширными равнинами пустынного Дикого поля, вольные казаки попытались создать свою жизнь по своей воле. Это были люди с твердым и независимым характером, которые не могли и не желали мириться с государственными и социально-экономическими порядками Московского царства. Великий исход из Московской Руси людей, не желавших стать рабами, искавших свободы в раздолье степей, дал впоследствии великой России бассейны рек Дона, Яика (Урала), Нижней Волги, Терека, великих сибирских рек, дал всю Сибирь, вплоть до Тихого океана, до Берингова пролива...

История русских колоний как таковых еще никем не написана. Когда она появится, в ней видное место отведено будет вольной Донской колонии. Ее судьбы замечательны не только тем, что ее граждане в течение веков проливали свою кровь во имя русского общенационального дела, прикрывая Россию с юга от татар и турок, а также, со времени покорения Казани, участвуя во всех войнах, которые вела Россия со своими врагами. Да, блестяща военная история донского казачества! Интересны боевые его летописи!.. Но не менее их интересна история донской гражданственности, социально-политическая история Дона.

В эпоху, когда на развалинах федерации древнерусских княжеств и северорусских республик укреплялось самодержавие царей московских, исконное русское начало народоправства возродилось к новой жизни в первобытных по устройству казачьих демократиях на Дону, на Яике, на Тереке и, временно, на Волге. Все они в конечном счете были поглощены великой метрополией, «освоены» ею, утратили свой государственный характер и сохранились лишь как социальные общины и военно-служебные организации. Но из этих вольных великорусских колоний на долю Дона выпал жребий – создать государственный организм, наиболее совершенный из всех казачьих демократий Юго-Востока. Кто знает политическое прошлое Дона, тот легко поймет, почему, в эпоху развала Российской государственности, в 1917–1920 гг., Дон проявил высокую степень национального самосознания и государственного понимания, почему так легко и быстро организовалась Донская республика, заменившая собою, на месте, общероссийскую государственную власть.

Главные периоды, на которые можно разбить политическую историю Дона, определяются как внутренними изменениями в строе колонии, так и изменениями в отношениях Дона к России. С 1549 по 1720-е гг. Дон является государством и, одновременно, республикой. С 1720-х и до 1917 г. Дон является провинцией России. С 1917 по 1920 г. Дон снова становится государством, снова республикой.

В зависимости от изменения взаимоотношений колонии и метрополии историю Дона можно разделить на следующие периоды:

1) период независимости и союзных отношений, случайно, на время войн с общим врагом, возникающих (1549–1614). Отношения эти прерываются блокадой, объявленной со стороны Москвы Дону в 1600 г. В Смутное время граждане колонии принимают видное участие в делах метрополии. Борьба казачества и дворянства заканчивается победой дворянства, но не полной и нерешительной.

Второй период вассалитета (1614–1671), когда колония сохраняет и развивает свое народоправство, но вступает добровольно в регулярные сношения с метрополией, оказывая ей

военную помощь, получая за то постоянную субсидию («жалованье»). Международная правоспособность Дона подвергается некоторому, хотя и слабому, ограничению. Восстание Разина знаменует собой новую попытку казачества изменить государственный и общественный порядок в метрополии.

Третий период (1671–1721) – есть период государственной автономии, когда Дон, после присяги, которую вынуждены были донские казаки принести Алексею Михайловичу, входит в состав Российского государства, сохраняя свое республиканское устройство. Столкновение царского самодержавия и донского народоправства (восстание Булавина) ведет в конечном счете к потере колоний ее государственного характера (1721) и ее республиканского устройства (отмена выборных атаманов в 1723 г.).

Четвертый период областной автономии (1721–1775) очень интересен для историка права. Власть от круга переходит к «собранию старшин». Аристократическое правление старшин подавляется самодержавием атамана, превращающегося понемногу в какого-то «великого герцога донского». Чрезвычайно оригинальное положение создается на Дону, когда первый назначенный царскою властью атаман Данила Ефремов (1738–1753) испрашивает соизволения передать атаманскую власть по наследству своему сыну Степану (1753–1772). Последний входит в столкновение с центральной властью (1772). Екатерина II побеждает самодержавного атамана, равно как и Пугачева, защитника казачьих вольностей, вождя последней схватки казачества с дворянством (1775). Указом 15 февраля 1775 г. учреждается войсковое гражданское правительственное учреждение, даются некоторые права старшине и вводится частично имперское право. Автономия в некоторых обломках существует до 1835 г.

Пятый период (1775–1797) длится 22 года и заканчивается временным, по капризу Павла I, восстановлением областной автономии. Но вскоре же назначение войскового прокурора (не из донцов), реформы войсковой канцелярии (1800, 1802, 1804), прикрепление донских крестьян (1796), признание части дворянских прав за казачьей старшиной (1797), организация Платовым «сословия» донских «чиновников» (1804) – все это вводит на Дону черты губернского управления и начала дворянского крепостнического строя. Прежнее вольное казачество хотя и остается лично свободным, но превращается в закабаленное государству служилое казачество.

Шестой период – переходный (1797–1835) – ознаменован волнениями крестьянства (1820), работами чиновничьего комитета (1819) о выработке «положения» о Войске.

Седьмой период – это эпоха 1835–1917 гг., когда Дон является «областью по особым учреждениям управляемой». Этими «учреждениями» является «Положение об управлении Войска Донского», изданное в 1835 г., с добавлениями к нему. «Положение» регламентировало все стороны жизни Войска и казачества, определило казачий пай в 30 десятин, превратило атамана в «военного губернатора», позже в генерал-губернатора, по его правам, и всю жизнь казака поставило в зависимость от усмотрения начальства. С 1848 г. атаманы стали назначаться обязательно не из донцов.

Эпоха Великих реформ принесла уничтожение выборной администрации, освобождение донских крестьян (1861), новые суды (1872), замену схода станицы собранием лишь домохозяев (1870), а потом одних десятидворных и ограничение прав станичного самоуправления. Земство просуществовало не долго (1876–1882).

Царствование Александра III принесло Дону присоединение Приазовья (1887); уничтожение земства (1882); усиление дисциплинарной власти начальства над казаками вне военной службы и почти полное уничтожение станичного самоуправления (1891). Некогда вольные граждане республиканской колонии превратились в поселенное служилое войско типа аракчеевских поселений, хотя и несколько смягченное. Вся власть, некогда выборная сверху донизу, заменена повсюду назначаемой; в станицах же – утверждением угодного начальству кандидата.

Все особенности Дона в отношении военного управления и внутреннего распорядка воинских частей уничтожены. Все так называемые «привилегии» Дона сведены на нет.

Царствование Николая II оставило неприкосновенными порядки, установившиеся к 1894 г. Внутренние социальные противоречия обострились. Избирательные права казачества, не слишком широкие при выборах в 1-ю и 2-ю Думу, урезаны законом 3 июня 1907 г. Ни войсковой круг, ни земство не возрождены к жизни. Донские депутаты всех четырех дум отчетливо и ясно поставили пред правительством вопросы о войсковой земле, о самоуправлении и о казачьей службе. Но проведенный ими в 1912 г. через Государственную думу законопроект о донском земстве, несмотря на то, что он был написан применительно к реакционному положению 1890 г., отвергнут Государственным советом. Совещательное собрание представителей от станиц (1909), созванное для дачи отзыва по частичному вопросу, касавшемуся войсковой земли, более не созывалось.

Февральский переворот 1917 г. сделал Дон автономной провинцией Российской республики с казачьим войсковым кругом и выборным (после 194-летнего перерыва) атаманом. Вслед за переворотом 25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде донской атаман Каледин провозгласил принятие войсковым правительством на себя всей полноты власти. Войсковой круг 3-го созыва 4 декабря 1917 г. провозгласил Дон «автономной провинцией», но уже через 6 дней вынужден был присвоить войсковому правительству «всю полноту исполнительной государственной власти в области».

10 декабря 1917 г. Дон стал, несмотря на оговорки, самостоятельным государством. Попытка создания власти на началах равномерного в ней участия войскового и не войскового населения («паритет») не удалась. Совет же народных комиссаров отнесся к Дону как к мятежной провинции.

12 февраля 1918 г. государственная власть Дона перестала существовать. Метрополия снова овладела колонией, на этот раз под красным знаменем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Донской Военно-революционный комитет (боевая организация большевиков-коммунистов) объявил выборы по четырехступенчатой системе: 1) в хуторские Советы; 2) оттуда в станичные (волостные); 3) затем в окружные и, наконец, 4) в областной съезд Советов, собравшийся в Ростове-на-Дону 3 апреля 1918 г. Более назначенный, нежели избранный, съезд провозгласил Дон – Донской Советской Республикой, во главе которой должен был стоять избираемый съездом Донской Центральный исполнительный комитет и, при нем, Донской Совет народных комиссаров. Эта организация осталась на бумаге, так как в 20-х числах апреля противобольшевистские части заняли и Новочеркасск, и Ростов.

28 апреля (11 мая) 1918 г. собрание представителей донских войсковых частей, изгнавших большевиков, провозгласило себя «Кругом спасения Дона». 3 (16) мая круг принял на себя «всю полноту верховной власти», создавши, таким образом, и фактически, и юридически, новое государство, под именем: «Всевеликое Войско Донское». В тот же день избран был и атаман П.Н. Краснов. 4 (17) мая круг утвердил «Основные законы Всевеликого Войска Донского». Эта суверенная республика просуществовала до февраля 1920 г., когда ее государственные органы (атаман, правительство и круг) вынуждены были, из-за наступления советских войск, покинуть пределы Дона. Конституция 4 мая 1918 г. была заменена более демократическими «Основными Законами Всевеликого Войска Донского», 15 (28) сентября 1918 г. принятыми казачьим войсковым кругом 4-го созыва, под председательством В.А. Харламова. 6 (19) февраля 1919 г. на место Краснова атаманом избран А.П. Богаевский. Организации Донского государственного народного представительства от всего населения осуществить не удалось.

В конце 1917 г. сделана была попытка создания Юго-Восточного Союза (из автономных провинций Дона, Кубани и Терека и национально-территориальных организаций народов Северного Кавказа). Эта конфедерация стала уже создавать союзные исполнительные органы, но не осуществилась вследствие победы большевизма. Председателем Союза был Харламов.

В июне 1919 г. создана была «Конференция для создания союза государственных образований Юга России» (так называемая «Южнорусская конференция»). 15 (28) июня 1919 г. представители Дона, Кубани и Терека подписали союзный договор, но не было создано ни федеративного, ни конфедеративного союзного органа. Идея федерации Дона, Кубани и Терека, Азербайджана, Грузии, Армении и областей, занятых Добровольческой армией, не осуществилась. Совещание конференции с представителями главнокомандующего вооруженными силами на Юге России генерала Деникина (сентябрь—декабрь 1919 г.) признало, в принципе, необходимость единой южнорусской власти, автономию Дона, Кубани и Терека и занялось детальной разработкой пределов автономии краевой власти.

Новой попыткой объединить власть на Юго-Востоке было создание конфедерации Дона, Кубани и Терека, с союзным законодательным органом, в форме верховного круга Дона, Кубани и Терека, который просуществовал с 4 (14) января 1920 г. до конца февраля того же года. Круг этот не уничтожил существования Донского и Терского кругов и Кубанской рады. Результатом соглашения верховного круга с генералом Деникиным было образование «Южнорусского правительства» с Н.М. Мельниковым во главе, подавшим в отставку по прибытии в Крым (март 1920 г.).

Эвакуированный окончательно в феврале 1920 г. Дон стал провинцией РСФСР, в которой введена была система советских учреждений. Почти половина территории прирезана была к новым, образованным по соседству, советским губерниям.

Таковы были политические судьбы вольной колонии, созданной в половине XVI в. вольным казачеством. Грядущее переустройство России снова поставит на очередь вопрос о месте Донского края в составе Российского государства, о правах донского казачества. Подробный очерк развития государственного и административного права на Дону, в связи с историей политических движений в пределах края, является и своевременным, и настоятельно необходимым.

Глава 2

Возникновение казачества служилого и вольного

Казачество, как мы его себе представляем, ведет свое начало с XV в. Причин его возникновения было несколько: это были причины политические, социально-экономические и, наконец, просто политико-экономические. Вольные казаки были членами вольных же общин, сложившихся вне пределов Московского и Польско-Литовского государств и разросшихся до пределов небольших государств, гражданами вольных республиканских колоний Юга и Юго-Востока. Указавши на отличие вольного казачества от служилого, жившего в пределах государства, мы будем в дальнейшем говорить исключительно о вольном казачестве, о гражданах Донской колонии, упоминая лишь мимоходом о других казачьих демократиях².

Политически возникновение казачества и республиканских колоний Юго-Востока, то есть великорусских казачьих республик, можно объяснить следующим образом. Великая федерация русских земель, объединившихся под верховенством великих князей Киевских, была разрушена вторжением и двухвековым владычеством татар. На долю великих князей Московских выпало осуществление великой национальной задачи – собрать снова русские земли под властью на этот раз не только номинального, но и фактического вождя. К половине XVI в. Москва закончила эту задачу по отношению к великорусским землям. Новое государство сложилось в унитарное царство с самодержавным царем во главе (1546). Лишились своего политического существования и стали провинциями царства не только прежние княжества (последним – великое княжество Рязанское, в 1520 г.), но и торгово-промышленные республики Новгорода (1478), Вятки (1489), Пскова (1509). Ведя тяжкую борьбу с внешними врагами, московская государственная власть все более принимала форму военной диктатуры. Старинное начало народоправства в его примитивной форме уступало место абсолютизму. Было бы наивно сказать, что казачьи демократические колонии основались вне пределов Московского царства, как поселение сознательных граждан, в частности новгородцев, покинувших родину во имя республиканских идеалов³. Но можно утверждать, что русский народ, свободно организовавшийся вдали от московской власти, естественно, создал свои колонии на основе традиционного народоправства. Можно допустить, что, после разгрома Новгорода Иоанном IV в 1561 г., некоторое, хотя и весьма незначительное, количество беглецов из этого бывшего республиканского центра достигло низовьев Дона и растворилось в донском казачестве.

Политические причины не имели особого значения в создании новых колоний. Гораздо большее значение имели причины социальные, общественные. Во имя интересов государственной обороны московское правительство щедро раздавало черные и дворцовые земли с тяглым их населением служилым помещикам и вотчинникам. «Неизбежным последствием возникновения привилегированных земельных хозяйств был переход крестьян от податного самоуправления и хозяйственной самостоятельности в землевладельческую опеку и в зависимость от господского хозяйства». Лишенные права самостоятельного владения и пользования своею землею, тяглые люди стали искать себе новых земель на окраинах, по преимуществу южных. Желая удержать крестьян, помещики и монастыри прибегали к экономическому закабалению крестьянства. Земледельческий труд все более становился источником закабаления свободного работника. Тяглое население бросало государево тягло, боярский двор и господскую пашню, «брело розно», уходило за пределы государства, унося с собою чувство вражды к

² Судьбы их заслуживают отдельного очерка для каждой (Терек, Волга и особенно Яик).

³ Это отмечает еще Лесюр в своей «Истории казаков» (Париж, 1814. Т. I. С. 215–216), возражая Шторху. Ошибку Шторха повторяет Х.И. Попов, который родоначальниками донцов считает новгородскую вольницу. См.: Краткий очерк донского казачества. Новочеркасск, 1907. С. 8.

тому государственному строю, который постепенно лишал его земли и свободы. Тысячи людей покидали насиженные места и уходили на «украины» Московского государства и за его пределы⁴.

Закрепощение труда и личности крестьянина в Московской Руси было одной из главных причин создания вольного казачества и постоянного пополнения его рядов «новоприходцами», «сошедшими на Дон».

Наконец, нельзя не указать еще на одну причину создания казачества, не отмеченную еще историками, причину, так сказать, политико-экономическую. XVI в. был периодом окончательного перехода большей части Московской Руси к занятию земледелием. За исключением самых северных и южных границ земледелие одержало победу над другими отраслями народного производства. В писцовых книгах эпохи пашенные угодья далеко перевешивали собою землю, назначенную для других хозяйственных целей. Бобровые же гоны, бортные ухажья, соляные варницы и даже рыбные ловли отступали все далее на север и юг⁵. Далеко не все хотели менять труд охотника на труд земледельца. Эти люди уходили в нетронутые и неиспользованные еще места ловить рыбу в реках Юго-Востока, бить дикого зверя в лесах Восточной России и на обширной равнине Дикого поля, тянувшегося от Днепра и за Волгу. Быть может, вкус к освоению даровых сил природы обострялся под влиянием того, что земледельческий труд на Руси все более становился средством закабаления экономического, социального и политического.

Пролетаризованное крестьянство, лишившееся земли или покинувшее ее, составило главное ядро казачества. Государство без особой симпатии смотрело на «утеклецов», покинувших тягло, «избывавших тяготы». Оно звало их «зогонными людьми», «шарполниками», «ворами», но чаще всего «гулящими людьми»⁶.

С его точки зрения, это были люди, не принадлежавшие к определенному сословию, не несущие тяготы, возложенные на сословия царства.

«Гулящие люди», в свою очередь, питали малую симпатию к государству, которое было для них жестокой мачехой. Они нанимались иногда в батраки на работу, не брезговали разбоем, но главным занятием их был «промысел» – охота, рыбная ловля. Выходя на «украины» и за пределы царства, «гулящие люди» объединялись в «ватаги», промышленные товарищества или же в «станицы».

Во главе станицы стоял выборный атаман, при нем был выборный же есаул или «молодший товарищ», исполнитель веления атамана. Все дела станицы решались в кругу, собрании всех членов общины. Выходя в Дикое (то есть никому не принадлежащее) поле, станица могла столкнуться с такими же вольными «гулящими людьми», в частности с татарами. Поэтому гулящим людям приходилось организоваться и вооружаться по-военному, становиться профессиональными воинами. И вот это именно качество – военного человека – придало гулящему человеку название казака.

Казак не был только беглым крестьянином, пролетарием и эмигрантом по социальным причинам. Он был казаком потому, что, отправляясь в поле, на охоту, рыбную ловлю и «за зипуном», он становился воином. В начале – «погулять на Поле», «уйти в молодечество», «казаковать» – было лишь временным занятием гулящего, а иногда и служилого человека, жившего на Украине Московского государства. Показаковавши, человек возвращался с добычей в пределы царства продать ее и пожить вволю.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты. СПб., 1910. С. 155, 171, 175.

⁵ Рожков Н.А. Город и деревня в русской истории. Изд. 6-е. М., 1920. С. 38–39.

⁶ Акты исторические. Т. I. С. 433–434. Бродящих по Дону рязанцев Иван III в 1501 г. звал «заполянами» (за Полем). Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскими и Ногайскими ордами. Т. I. Сб. Императорского русского исторического общества. Т. 41. С. 366.

Энтузиасты казачества, готовые одеть самого Адама в штаны с лампасами, относят появление казачества ко временам весьма отдаленным. Они правы в том отношении, что и Киевская Русь знала таких «добрых молодцев», вольных людей, которые, подобно казакам, вели непрестанную войну со степными хищниками своего времени. Пример тому – куряне, «сведомы кмети» из «Слова о полку Игореве». Но казачество, в том смысле, как мы его понимаем, было явлением, начало которому положено в первой половине XV в.

Древнейшее известие о казачестве говорит о казаках рязанских, оказавших своему городу услугу в столкновении с татарами в 1444 г. Эти именно рязанские казаки и явились, по-видимому, первыми донскими казаками. По крайней мере, в наказе великого князя Ивана III великой княгине Рязанской Агриппине (1502) мы читаем о том, чтобы казнить тех, кто «ослушается и пойдет самодурью на Дон в молодечество»⁷.

Ослабление и разделение Орды облегчило несколько выход в Дикое поле казакам с украин Московского и Польско-Литовского государств. Краковский каноник начала XVI в., оставивший нам описание Сарматии, так пишет о Диком поле своего времени: «Широко раскинулись степи Алании, покинутые как аланами, так и последующими пришельцами. Иногда только пересекают их казаки, ищущие, по обычаю своему, «кого поглотити». Ибо живут они грабежом, никому не подвластные, и пробегают обширнейшие степи, объединяясь в шайки по 10, 20, 60 и т. д. человек...»⁸

Среди польских, то есть бродивших на поле казаков, были казаки и татарские: ордынские и азовские⁹.

Самое имя казак заимствовано у татар, которые давали это название всаднику с легким вооружением. Что касается казаков, то в 1468 г. упоминаются казаки в Москве; татарские казаки на русской службе – мещерские и городецкие (касимовские) с 1493 г. Северскими, украинскими и севрюками звались казаки из бывшего княжения Северского, поселенные в Чернигове, Новгороде-Северском, Стародубе, Путивле, Рыльске. Они упоминаются с 1531 г.¹⁰

Московское правительство, быстро колонизовавшее южные украин государства, рано оценило воинские достоинства казачества и привлекло его на свою службу. Когда казаков «прибирали» на царскую службу в одиночку из «гулящих людей», то они служили под начальством «голов» и сотников, назначаемых от правительства. Взятые на службу целыми отрядами, они имели своих выборных атаманов, которым поручался дальнейший «прибор» казаков на службу. Эти атаманы имели честь, равную с казачьими и стрелецкими головами. Казаки составили четвертый разряд русской конницы, легкую конницу, вооруженную саблей, пикой и луком (впоследствии пищалью). Обыкновенно этих «служилых» казаков селили при городах, строи-

⁷ Иловайский Д.И. История России. М., 1890. Т. III. С. 382; Памятники дипломатических сношений с Крымом. Сб. Императорского Российского исторического общества. Т. 41. С. 413. Для проводов через Дон к Азову нанимали рязанских казаков, «которые бы на Дону знали...», чтобы послать от нее, Аграфены (вел. кн. рязанской), «людей, от заполян, лиха никотораго не было...» (с. 366). В.Н. Татищев считал родоначальниками донских казаков не рязанцев, а мещерских (русских казаков, которые удалились из «Месчоры» при «царе Иоанне I» (то есть при Грозном), который перевел на их место ногайцев. Русские же казаки основали свой городок на правом берегу р. Дона, «где ныне Донской монастырь» ниже Тулучеева 16 верст, ниже ст. Калитвенской 86 верст, ниже Новопавловска 114 в. Низовые же казаки будто бы потомки запорожцев (1000 ч.), которые остались на Дону от отряда в 5000 ч., приходившего под Астрахань, на помощь русским, под командой М. Вишневецкого. Татищев В.Н. Лексикон российский исторический, географический и политический. СПб., 1793. Ч. II. С. 167, 170.

⁸ Матвей Михов (1456–1523). *Mattiae á Michow. Descriptio Sarmatiarum* (Collectio script. polon). Warszawa, 1761, t. I, cap. XII.

⁹ Первые упоминания о казаках в Крымской Орде встречаются в 1474 г., в Волжской – с 1492 г., в царстве Казанском – с 1491 г., в Астраханском – с 1502 г., в Азове – с 1499 г., в Аккермане – с 1515 г. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 3; Сб. Императорского Российского исторического общества. Т. 41 и 95; *Lesur. «Histoire des Kosaques*. Paris, 1814, I. P. 185, 217.

¹⁰ Хан Крымский Менгли-Гирей, приходивший войною на Ши-Ахмета в 1501 г. и построивший крепость на устье Тихой Сосны, просил союзника своего Ивана III: «...ты б казаков своих послал улусов его (Ши-Ахмета) воевать...» Сб. Императорского российского исторического общества. Т. 41. С. 369. Таким образом, количество служилых казаков великого князя Московского было уже довольно велико для набегов на улусы Орды.

шихся на южной окраине государства, давали им жалованье, «испомещали» землю. Поэтому их звали «поместными» казаками, но чаще всего «городовыми». Таковы были казаки – курмышские, темниковские, шацкие, алаторские, пронские, воронежские и т. д.

Иногда бывало, что московские воеводы, явись с отрядом на место, где указано было ставить «город» (то есть новую крепость), находили местность уже занятой вольными колонистами, опередившими колонизацию правительственную. Тогда они, начиная работы, приказывали «со всех рек атаманам и казакам лутчим быти к себе в город». Государевым именем они «жаловали» им, то есть укрепляли за ними, их «юрты» (земли), затем переписывали и записывали на службу¹¹.

Жалованье служилым казакам давалось или деньгами, или хлебом (в города, не успевшие завести своей пашни). Служилое казачество ведалось «Разрядом» или Разрядным приказом, в ведомстве коего состояли, вообще, всякие воинские дела, постройка крепостей, снабжение их гарнизонами, и все служилые люди (от бояр до низших чинов) в отношении их к воинской службе. С 1628 по 1646 г. упоминается Казачий приказ, ведавший и «кормовых» и «белопоместных» казаков¹². Но донские казаки никогда не ведались в Казачьем приказе.

¹¹ *Беляев И.Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича. М., 1846. С. 17–21; *Платонов С.Ф.* Очерки. Изд. 3-е. С. 93.

¹² «Белопоместными» назывались казаки, владевшие землями без платежа податей. Акты исторические. III, 90. Совершенно неразработанный материал о служилом казачестве заключается в Актах Московского государства, изд. Акад. наук, под ред. Н.А. Попова, ст. 1890 и слд. Т. I–III. Кое-что есть в юбилейном издании «Столетие Военного министерства». Т. XI. Ч. I.

Глава 3

Основание Донского Войска

Донское Войско, о котором мы пишем, до 1721 г. ничего не имело общего со служилым казачеством. Донские казаки были люди вольные, члены вольной общины, граждане республиканской колонии. В актах эпохи именуется донскими вольными казаками. Здесь следует упомянуть об одном обстоятельстве, которое отметил еще Сухоруков в 1820 г.¹³ До появления общины донских казаков, быть может, иногда называли донскими служилых казаков, приписанных к городам, из которых отправлялись на Дон станицы для проводывания вестей о татарах и возможном набеге их на Русь. Так, в начале 1549 г. досол Иоанна IV должен был передать ногайскому князю Юсуфу, которому не доброжелательствовал царь (хан) Крымский, от имени Иоанна: «Я, по дружбе вашей ко мне, повелел моим путивльским и донским казакам крымские улусы воевать». Подтверждением этой мысли служат и акты Земского собора 1621 г., в коих упоминаются как подлежащие мобилизации («разбору») по случаю войны с Польшей, между прочим, не только «белгородские, воронежские, елецкие, ливенские помещики, атаманы и казаки», но и «донские атаманы и казаки, которые живут в Путивле и в Рыльске»¹⁴. Около 1571 г., на Дону, у Галичьих гор (приблизительно у нынешнего Задонска), стояли летом для дозора «донские (казачьи) головы», приходившие сюда из Шацка. Равным образом, в Донецкие сторожи из Путивля и Рыльска посылались на лето сторожа. Если этих городовых казаков и звали иногда «донецкими» казаками, то они ничего общего не имели с теми «донецкими вольными казаками», которые осели по Донцу, подобно тому, как «донские головы» из Шацка не были донскими вольными казаками.

В 1520-х гг. Дон был еще пуст. Великий князь Московский уговаривался с султаном о встрече русского и турецкого послов на Дону при впадении в него Хопра или Медведицы; на случай же несогласия о месте «съезда» «люди великого князя» должны были «проводить коньми» своего посла до Азова, а «салтановы люди» своего посла тоже «коньми» – от Азова «до украины великого князя». В 1530-х гг. нападение людей, бродивших в Поле, на крымцев, ногайцев и на русских вынудило великого князя Московского, хана Крымского и князей ногайских давать взаимные обещания ловить и казнить этих «баловней казаков»¹⁵.

До половины XVI в. масса гулящего народа на московских окраинах пребывает в состоянии брожения: у казачества незаметно ни внешних центров, ни общей организации. К середине XVI в. казачество начинает собираться в нескольких центрах в организованные объединения.

¹³ Историческое описание. 1903. С. 8.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров. Т. III. С. 227 и 283. В 1630 г. «...били челом государю из Путивля донские верстаные, безпоместные и неверстаные кормовые атаманы Баженко Семенов, да Гаврилка Еремеев, и есаулы и казаки», всего 146 чел., просили продолжать им «месячный (денежный) корм» и хлеб из житниц. Были пожалованы государевым жалованьем против прежнего («кормовья деньги и за хлеб деньгами»). Акты Московского государства. Т. I. С. 316–317. В 1635 г. путивльские дворяне и дети боярские просили, чтобы с отписками посылали не их одних, а и «донских и жилых казаков». Акты Московского государства. Т. II. С. 10. В 1659 г. упоминаются лишь «путивльские полковые казаки». Там же. Т. II. С. 641. Неверстаные казаки были, очевидно, вольные донские казаки, а верстаные – из донцев же, ставшие служилыми, «жилыми». Бывали случаи верстания и испомещения отдельных охочих донских казаков. Так, в 1660 г. за Конотопский бой некоторые донские казаки получили к прежним окладам по 50 чети и денег по 3 руб. Акты Московского государства. Т. III. С. 35. 230 донских казаков в Смоленске и 100 чел. в Быхове были пожалованы государевым жалованьем, пожелали «жить» в этих городах и получили «на дворовое строенье». Короткое время их именовали «смоленскими донскими казаками». В Белгороде в 1660 г. упоминаются «орешковские донские казаки», рядом со «старыми донскими казаками». Все они: и путивльские, и рыльские, и смоленские, и орешковские – все были служилыми, а не вольными донскими казаками. Акты Московского государства. Т. III. С. 35, 55, 98, 99, 112; ср.: Т. II. С. 363.

¹⁵ В 1501 г. дорога от Москвы шла по рр. Проне и Хупте до Рязского поля, затем полем до Рясы, откуда снова был водный путь. Навстречу послу высылали людей на Усть-Воронежа. Сб. Императорского российского исторического общества. Т. 95. С. 689, 690; Т. 41. С. 412.

Еще в 1538 г. великий князь Иоанн отвечал на жалобы ногайского мирзы Келмагмеда: «Лихих где нет? На Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки; а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди, как вам тати, так и нам тати». В 1546 г. воевода из Путивля уже доносит: «ныне, государь, казаков на Поле много и черкасцов, и киен, и твоих государевых; вышли, государь, на Поле изо всех украин». В июне 1549 г. Юсуф, князь Ногайский, жалуется царю на грабеж, который учинили татарским купцам «ваши казаки севрюки, которые на Дону стоят». В октябре того же года Юсуф пишет: «холопи твои, нехто Сары-Азман слово, на Дону, в трех и четырех местах города поделали – да наших людей и послов стерегут, да разбивают».

Это письмо Юсуфа – первое, до сих пор, известие о городках, доставленных донскими казаками на Дону. Государство Российское, устами царя, отреклось от донцов, говоря, что «те наши холопи в нашей земле многое лихо, учинили и... убежали на Поле» и что царь повелел их «добывать» и казнить. В 1551 г. султан писал ногайскому князю Измаилу: «русского царя Ивана лета пришли... и мне от него обида великая: Поле-де все и реки у меня доотымал, да и Дон от меня отнял, да и Азов-город улуст у меня доспел, поотымал всю волю в Азове, казаки его с Азова оброк емлют и воды из Дона пить не дадут... А Крымскому царю... какую-де сорому казаки его (Ивана) учинили, пришед Перекоп воевали; да ево же де казаки Астрахань взяли... Да царя же Ивана казаки у вас Волге оба берега отняли... Да ты же бы, Смаил-Мирза, пособил моему городу Азову от царя Ивана казаков...»¹⁶ Призывая ногайцев на защиту ислама от поступательного движения Руси на юг, султан рисовал значительные успехи казачества. Из этого документа видно, что донские казаки не только осели в низовьях Дона, но и стали тяжелыми соседями для турецкого Азова.

Некоторые историки не придают значения сообщенным выше фактам. По мнению Платонова, в 80-х гг. XVI в. «на Дону образовался постоянный центр низового казачества – т. н. Раздоры, городок на слиянии Дона с Сев. Донцом...». «Верховые же казаки, раскинувшиеся на громадном пространстве от Путивля и Белгорода до нижней Волги, жили и действовали в полной разобщенности...». «Донская община, получившая в XVII в. определенное устройство, в XVI в. только еще зарождалась; она не захватывала в свой состав не только всех живших на Поле казаков, но даже и всех собственно донских. Верховые донские юрты и городки и казачество прочих рек и речек жило в розни, даже во взаимной вражде...»¹⁷.

Другие, как Владимирский-Буданов, говорят, что «выходцы из государства (московского), большею частью недовольные новым государственным строем, основывали свободные казацкие общины, ведя борьбу с татарами на свой собственный риск, и, наконец, в низовьях Дона сплотились в одну большую Землю, которая вступила в союз с московским государством, не теряя своей самостоятельности; но в 1549 г. донские казаки уже именуется подданными, и затем земля их инкорпорирована государством с незаметною постепенностью...»¹⁸.

Таким образом, Владимирский-Буданов относит основание «Земли донских казаков» ко времени до 1549 г. Не касаясь здесь вопроса о взаимоотношениях между метрополией и колонией, мы должны сказать, что не правы и Платонов, и Владимирский-Буданов. Первый не считается с тем, что отлично знали и помнили сами донские казаки еще в начале XVII в. о создании Войска Донского. В отписке 1632 г. царю Михаилу Феодоровичу они ссылались на свои 80-летние службы России и противопоставляли свою колонию – метрополию¹⁹, именно, как

¹⁶ Историческое описание. 1893. С. 7, 11; Платонов С.Ф. Очерки. С. 108–109.

¹⁷ Платонов С.Ф. Очерки. С. 110, 111, 113.

¹⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 1904. С. 116. Лесюр, ссылаясь на польские источники (*Andr. Cellarii. Descriptio Poloniae*. P. 597), полагает, что около 1549 г. или за несколько времени до взятия Астрахани донские казаки отделились под покровительство России, получивши привилегии на земли, реки, ловли, курение вина и на самоуправление. *Lesur*. Т. I. P. 221.

¹⁹ Отписка 26 мая 1632 г. в «Сб. Области Войска Донского статистического комитета». Т. XIII. С. 160 и сл.

одну государственную организацию другой. Не прав Платонов и в отношении того, что Донская община не объединяла всех донских казаков. Несомненно, волжские казаки создали свою собственную общину, независимую от Дона и менее совершенную в смысле организационном. Действительно, донецкие казаки составляли особую общину, небольшую по количеству людей, независимую от Москвы, равно как и от Дона²⁰.

Но верховые донские казаки «тянули» к низовому казачьему центру и слушались его, подобно тому, как в Киевской Руси «пригороды» тянули к главному городу Земли и не выходили из его воли. Что же касается Яицкого Войска, то это была колония Дона, основанная в 1586 г. выходцами из Донской общины и «тянувшая» к Войску Донскому более 100 лет²¹.

С другой стороны, полное отсутствие сведений о какой-либо оседлой организации донских казаков до 1549 г. заставляет отвергнуть взгляды Владимирского-Буданова, Костомарова, Лесюра. Ключевский полагает, что «во второй половине XVI в., когда казачество запорожское только еще начинало устраиваться, донское является уже устроенным»²².

Таким образом, можно считать, что Донская колония создавалась в 1549 г. Вопросом о том, что представляла собой и как создавалась Донская казачья республика, занимались лишь местные донские историки. Так, Пудавов рисовал Войско Донское как «совокупность военных общин, живущих станицами (станами, городками), проникнутых духом братства и разумной федеративности»²³. Из его дальнейших рассуждений видно, что, по его мнению, Донская республика создавалась путем федерирования, объединения снизу, ряда уже существовавших казачьих общин или станиц.

Другой казачий историк, А.А. Леонов, пишет: «Община донских казаков образовалась не из отдельных, независимых, хотя и небольших общин, сошедшихся вместе и заключивших между собою отдельные условия, известный договор, для достижения общей цели; не из отдельных бродячих жилых станиц составилось великое Донское Войско. Нет! Войско возникло из среды единой, нераздельной общины, родилось на данном пункте по своей воле и безусловно». Затем уже, по мнению Леонова, войско выделило из себя отдельные, зависящие от него общины²⁴. «Войско, – говорит Леонов, – было всегда единым и нераздельным по составу и духу своему».

Прав Леонов, а не Пудавов, так как никогда и никакого федеративного договора, даже безмолвно, никакие казачьи общины на Дону между собою не заключали. Войско Донское всегда было республикой единой и нераздельной. Но Леонов ошибается, думая, что все станицы на Дону выделились из единой первоначальной общины. В действительности, несомненно, существовало на Дону уже несколько общин, когда возникла общая организация, казачья республика заметных размеров под именем «Войска Донского». Эта организация возникла в середине XVI в. или в Раздорах, или в низовьях Дона. Точно мы не знаем пункта ее возникновения. Она образовалась путем случайного или обусловленного какими-нибудь военными соображениями скопления в одном месте значительной массы вольного казачества. Эта организация приняла название Войска Донского. Авторитет этой организации был признан безмолвно окрестными станицами, жившими или бродившими вблизи. Это тем более понятно, что фактически Войско составилось из членов этих самых общин, съехавшихся в наиболее крупном и удобном

²⁰ Донецкие казаки не присягали царю. См. ту же отписку 1632 г. О донецких казаках см. Акты Московского государства. Т. I. С. 163. Жили они по верхнему Донцу и по Осколу. Часть их вошла в XVII в. в состав донских, часть – в состав слободских казаков.

²¹ Дополнения к Актам историческим. Т. X. С. 72; *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону. С. 34.

²² *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. М., 1908. С. 133.

²³ *Пудавов В.М.* Донские войсковые ведомости. 1862. № 37. С. 209; *Его же.* История Войска Донского и старобытность начал казачества. Новочеркасск, 1890. В. I; Т. II. В. 2 (1818).

²⁴ *Леонов А.А.* Донские войсковые ведомости. 1862. № 39–40.

пункте. В первый момент съехавшиеся вряд ли задавались иными целями, кроме осуществления крупного военного предприятия (например, набега на Азов).

Итак, я полагаю, что естественное и постоянное, из года в год повторяющееся скопление казаков в наиболее крупном городке и повело к созданию Войска. Первоначальная организация Войска была лишь немногим более сложной, чем организация отдельной станицы, ватаги. Все вопросы решались на общем собрании Войска, в кругу. Авторитет Войска был так велик, власть его на Дону так сильна, что оно, естественно, стало единой общиной донских казаков, а все другие станицы, сохраняя свое бытие, беспрекословно подчинились авторитету Войска, вошли в его состав, как подчиненные части.

Каковы же были основные элементы нового государства, сложившегося вдали от метрополии? Как велика была его территория? Из кого состоял народ Донской республики? Что представляла собой власть, управлявшая Доном? И, наконец, каковы были взаимоотношения великой метрополии и вольной колонии? Таковы вопросы, на которые должен быть дан ответ.

Глава 4

Территория Дона

Войско Донское представляло собой в XVI–XVII вв. военно-демократическую республику. Эта республика была особым, отдельным от Московского царства государством, имела свою территорию, свой народ и свою власть. Территория Войска Донского определилась уже в самом начале его существования. Это был бассейн реки Дона, кроме его верховьев, и бассейны рек Бузулука, Хопра, Медведицы и Донца. Исторические изменения в границах Войска были сравнительно незначительны. Страна, лежавшая за р. Доном, к югу, была пустынна: там до 1784 г. кочевали ногайские татары. Крайней границей войска на запад долгое время было место слияния р. Дона с р. Аксаем. Фактически, несмотря на существование при выходе Дона в море, мощной турецкой крепости Азов, казаки ловили рыбу и в гирлах (дельте) Дона, а были перимоды, когда они (в XVI в. и в 1637–1614 гг.) владели и Азовом, взявши его с бою. На запад от устья Дона они владели, фактически, землями до р. Калмиуса и перебирались даже за нее. На востоке, сперва, граница была довольно неопределенной. Здесь колонизация Волги казаками (носившими здесь название волжских) столкнулась с правительственной колонизацией Московского государства, которое, покоривши татарские царства – Казанское и Астраханское, – овладело опорными пунктами на великой водной артерии. Оно построило на Волге целый ряд крепостей, в которых поставило гарнизоны своих регулярных войск – стрельцов и посадило своих воевод. Благодаря этой мере Донская колония, которая могла бы стать твердою ногою на берегах Волги, была навсегда отрезана от этой реки. Выход казаков на Волгу был закрыт.

В 1614 г., восстанавливая поколебленный Смутой порядок, воевода Астраханский писал на Дон: «будет которые Донские казаки похотят гулять по Волге для рыбные ловли и для зверовья и вам бы велети им приезжати к нам в Астрахань, и мы им учнем давати грамоты, по чему им на Волге быти, а без грамоты бы ваши казаки на Волге не были»²⁵.

Что касается северной границы, то московская правительственная колонизация не скоро еще подошла к границам вольной колонии, вышедшей столь далеко из границ царства в Дикое поле. Места, занятые донскими казаками, простирались поначалу от низовьев Дона далеко до царской «украины» и доходили по Дону почти до теперешнего Воронежа, где им принадлежал Боршевский Троицкий монастырь (основан в 1615 г.), а на северо-востоке до так называемых «Шацких ворот», где на р. Цне находился другой, принадлежавший им же Черниев-Никольский монастырь (основан в 1573 г.). Насколько далеко к северу заходили разъезды донских казаков, видно из грамоты царя Феодора Иоанновича (1584), который просил донцов проводить посланника своего в Цареграде Блогово «от Азова до Рязского города» (то есть до Рязска), «меж себя городок от городка»²⁶. Монастыри Боршевский и Черниев были наиболее северными пунктами Донской вольной колонизации, если не считать случайного поселения ушедших из Дона вольных казаков в Рязанском крае, близ гор. Донкова (Данкова)²⁷.

Однако, довольно скоро, правительственная колонизация Поля продвинулась на юг, и монастыри оказались на царской «украине». Московское правительство не нарушило взаимоотношений между монастырями и Войском и, до 1671 г., по ходатайству Войска, жаловало

²⁵ Акты исторические. Т. III. С. 36–37.

²⁶ Собрание гос. грамот и договоров. Т. II. С. 86. Х.И. Попов ошибочно полагает, что казачьи городки шли до самого Рязска. Ср.: Попов Х. Краткий очерк. 1907. С. 5.

²⁷ Так называемая Казацкая слобода, при г. Донкове, на берегу Дона, основанная 12 семьями казаков, пришедшими с низовьев Дона. Переселение крестьян Рязан. губ. М., 1884. С. 7. Слобода оставалась вольной все время своего существования. В 1571 г. в Донкове появились служилые казаки, их не приказано было посылать в сторожа «докуды уселятца и пашню учнут пахати и льготу отсидят, на колько им дано». Акты Московского государства. Т. I. С. 5.

монастырям различные привилегии. Но, после 1671 г., попытка монастырей уклониться от непосредственного управления ими со стороны местной духовной власти и обращение за защитой на Дон, к донской власти, вызвала сперва резкое заявление Москвы, что монастыри находятся вне компетенции донской власти, а затем и закрытие их (1685–1686).

Таким образом, если в течение более 100 лет просуществовали островки донских владений в пределах царской Украины, то и московское правительство первое время посылало дозоры и сторожи в территории, ставшие затем неотъемлемой собственностью Дона. В XVI в. низовья Дона и Северного Донца остаются, собственно, вне дозора городских, служилых казаков. Изредка лишь разезды спускаются южнее Святых Гор на Донце. Так, в 1556 г. Даниил Чулков ходил вниз по Дону до Азова. Перед 1571 г. самые близкие к Приазовью сторожи – Донецкие – стоят на Святых Горах, Бахмутские – у устья р. Черный Жеребец, и Айдарская – у впадения р. Айдара в Донец. В эти Донецкие сторожи досылались сторожа из Путивля и Рыльска. Доходили они до верховьев Тора и Миуса. Из Шацка, как мы знаем, казацкие головы ходили до нынешнего г. Задонска.

В 1570 г. сторожа была перенесена в Усть-Богатого²⁸ Затона (у нынешних Лисок). Разезды были с 1 апреля до первого большого снега. Ездили здесь дозором до Волжской переволоки, до Меловых гор. Одному из 4 голов, ведавших дозорами, поручалось стоять на Дону в Вежках (очевидно, где теперь станица Вешенская) выше Медведицы и Хопра и переезжать «гряды на право за Дон вверх р. Айдару», «а на лево к Волге до Усть-Балыклея». Под 1578 г. говорится: «А мещерским станицам ездити, по вестем... вниз по Дону к Клеткам (очевидно, где теперь станица Клетская) и до переволоки до Волжинские и ниже, где ходят ногайские люди в Крым и из Крыма в Ногаи». В выписке 1573–1581 гг.: «А иногда резанские станицы посылают вниз по Донцу, до Кумшка (Кумшака?) и до Раздоров Донецких и до Азова»²⁹.

Последняя четверть XVI в., особенно же время правления, а затем и царствование Бориса Годунова, ознаменовано энергичным продвижением Московского государства в пределы Дикого поля и первыми столкновениями с вольной Донской колонией.

В 1586 г. основываются Ливны, Елец, Воронеж (последний: «не доезжая 2 днищ до Богатого Затона»). В 1593 г. делается новое продвижение вперед: основываются Оскол и Волуйки, далеко выдвинувшиеся на юг опорные пункты. В 1598 г. их подкрепляют Белгородом. Наконец, в 1600 г. строится г. Царев-Борисов, опорный пункт для борьбы метрополии с Донской колонией.

Смута останавливает надолго движение Московской Руси на юг. Только в 1643 г. строится Усерд, на прямой линии между Воронежем и Волуйками, на р. Тихая Сосна. В 1644 г. станичные разезды доезжают по Донцу до Усть-Айдара и до Соколых гор. Таким образом, на 100 лет крайними южными пограничными (украинскими) городами Московской Руси становятся Воронеж и Волуйки. К югу от них по течению Дона, до нынешней станицы Аксайской («Кобяково городище») и по левым его притокам, отделенная от Руси еще незанятой частью Дикого поля, лежит земля донских казаков, страна «вольных казачьих городков», «казачьево присуду», или – говоря языком современного государственного права – Донская республика. Такова была граница Дона в XVII в. на севере.

С запада лежали степи, отделявшие Войско Донское, великорусскую колонию от Запорожья, вольной республиканской колонии Малороссии. Запорожские казаки, охотясь на дикого зверя и отправляясь для рыболовства на берега Азовского моря, заходили за р. Кальмиус, доходили до устьев Дона, и в 1576 г. Павлюк, кошевой Запорожского низового войска, испросил у

²⁸ У с т ь – место впадения рек, верховье, верх. (Примеч. ред.)

²⁹ *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине Моск. гос. М., 1846. С. 6, 15, 16, 26, 31, 35; *Яковлев А.* Засечная черта Моск. гос. в XVII в. Очерки из истории обороны южной Украины Моск. гос. М., 1916. С. 319. Ср.: *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйств. быта Моск. госуд. М., 1894. С. 114–115. В 1629 г. ниже Боршева монастыря Дон пуст до верхних казачьих городков. Также Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I. С. 6 и след.

польского короля Стефана Батория грамоту на землю «до самой реки Дону, где еще до Прецлова Ланцкорунского казаки запорожские свои зимовники имели»³⁰. Однако прошло еще более полутора века, прежде чем донские казаки столкнулись с запорожцами у берегов Азовского моря из-за земельных владений. Разграничение донцов с запорожцами произошло в 1746 г.

Что касается разграничения земель Войска Донского и Московского царства, то оно произошло насильственным и кровавым путем и закончилось поглощением колонии. Великая самодержавно-крепостническая метрополия и вольная ее колония подошли вплотную друг к другу к началу XVIII в.

Царство Московское не столько нуждалось в новых землях для правительственной колонизации, сколько пошло войною на самый уклад вольной жизни своей колонии. Самодержавнейший Петр Великий, тогда еще царь Великой и Малой и Белой Руси, и атаман Кондратий Булавин, выборный президент Донской республики, померились силами... Метрополия победила свою колонию. Помимо последствий для политического строя Дона, Войско Донское лишилось одного миллиона десятин земли. Верховья р. Хопра были отрезаны царем к Воронежской губернии. По р. Айдар, по верховьям Донца, Лугани, Деркула, по Иловле, по Калитвам было уничтожено 44 казачьих городка. Земли до р. Айдара отошли к острогожским казакам; земли по р. Донцу с Бахмутскими солеварнями – к Бахмутской провинции.

Но и после этой своего рода «аннексии» главный массив земли донских казаков остался в их бесспорном обладании. В XVI и XVII в. Московское царство не предъявляло никаких притязаний на донские казачьи земли. Для Москвы – Донская колония была землей, лежащей вне пределов царства, за линией «украинных городов». Московское юридическое мнение отличалось своеобразным формализмом, особенно в области притязаний на увеличение территории или прав царства. И всего лишь в одном акте, и то адресованном не донским казакам, мы встречаем намек на какие-то притязания Москвы на донские земли, точнее, на земли, еще отделявшие Дон от царства. А именно, в переговорах 22 марта 1652 г. с Иваном Искрою, послом гетмана Украины Богдана Хмельницкого, мы находим приглашение «итти на Царского Величества сторону, а у Царского Величества в Московском государстве земли великие, и пространные, и изобильные, поселиться им (украинцам) есть где, а податно им поселиться по рекам, по Дону и по Медведице, и прочим угожим и пространным местам»³¹.

Впрочем, это – единственный известный нам случай, когда московские бояре предлагали кому-либо земли донского казачества, вернее, верховья «запольных» речек Донского бассейна.

На основании какого титула владели казаки своими землями? На основании права первого занявшего (*jus primaе occupationis*), на основании права завоевания. Читая летописи донского казачества, видишь непрерывные кровавые войны казаков с окрестными народами, с ханством Крымским (около 240 лет, до самого 1782 г.), с ногайскими татарами (до 1790-х гг.), с калмыками, наконец, с турками. Или война, или мирная жизнь в состоянии полной боевой готовности. Только в 1780-х гг. отменяются меры военной охраны станиц на Дону, отменяется военная охрана обозов, шедших за Дон (за солью на Маныч и т. п.). Никто не даровал, да и не мог даровать донскому казачеству его территорию. И когда монархи российские стали «жаловать» своими грамотами донским казакам право на владение их землями по Дону, Хопру, Медведице и т. д., то это было лишь признанием с их стороны существовавшего факта. Среди донского казачества сохранилось предание о жалованной грамоте Иоанна IV на владение Доном. Предание связывает исчезновение этой грамоты с эпохой Петра I, нанесшего роковой удар донской государственности. Я сомневаюсь в существовании этой грамоты. Я полагаю, что легенда о царской грамоте появилась тогда, когда Войско Донское стало препираться из-за окраинных своих земель с соседями, подошедшими вплотную: со служилым казачеством малороссий-

³⁰ Скальковский А.А. История новой сечи. Т. I. С. 12–14.

³¹ Собр. гос. грамот. и договоров. Т. III. С. 473.

ского происхождения, с вольными запорожскими казаками, с великороссийскими военными властями, управлявшими территорией Приазовского края. Но, если даже Иоанн Грозный и дал подобную грамоту донской казачьей общине, то он признал лишь свершившийся помимо его воли и повелений факт.

Казачьи поселения именовались городками. Строились они по течению главных рек, укреплялись тыном и терновыми плетнями или глубокими рвами и земляными валами с деревянными башнями. В городках казачество, долгое время остававшееся холостым, жило в куренях или избах, довольно поместительных, хотя и легких постройках. Оттуда название станицы Пятиизбянской, в которой при основании было, очевидно, пять таких казарм. Впоследствии, когда казаки стали жениться на пленных татарках и других инородках или же вывозить жен с украин, от «родимцов», и жить отдельными семьями, отдельный казачий двор также стал называться куренем.

Мы не знаем имен тех 3–4 городков, которые построили донцы в 1549 г. под Азовом. В 1570 г. указывается на крайний к Азову пункт, занятый атаманскою станицей под Кобяковым городищем. Туда именно посылал со своею грамотою Иоанн IV (17 августа 1570 г.) «казачья атамана Микиту Мамина, да Молчана Яковлева с товарищи...». На старинных западноевропейских картах постоянно указывается в XVII в. ниже Черкасской станицы «Атаманский городок». В 1571 г. упоминаются Раздоры, при впадении Донца в Дон; около того же времени городок Митякин, на Донце. В 1593 г. – Маныч и Черкасской. В 1594 г. Монастырский или Нижний Городок, на Монастырском яру, пониже нынешней станицы Старочеркасской. В 1595 г. городок Медведицкой (ныне станицы Усть-Медведицкая), при впадении в Дон р. Медведицы. В 1613 г. – Курман-Яр и Пять-Изб-на-Дону. С 1614 г. упоминаются в актах многие городки. В 1672 г. их насчитывается на одном Дону 52 городка, не считая прочих «запольных» рек.

Столица Войска была, по-видимому, в атаманском городке, потом «главным войском» (главным станом Войска) стали Раздоры. Около 1622 г. «главное войско» перешло в Монастырской городок (на Монастырской Яр), ближе к Азову, и здесь пробыло 15 лет. С 1637 по 1642 г. столица была во взятом у турок Азове. В декабре 1641 г. атаман станицы, присланной в Москву, сообщал, что донские казаки «стоят ныне от Раздору вверх по дальним городкам и по юртам, а на весну съезжаются все вместе и государю служат заодно».

В 1642 г., когда царь не принял от казаков Азова, они вышли оттуда «на старые свои места» и «учали жить» войском «на Махине острове», с центром в том же Монастырском городке³². Однако им пришлось на год или два (1643–1644) перейти в Раздоры. Начиная же с 1645 г. столицей Войска стал городок, а затем и «город» Черкасской, составившийся из 11 станиц. Здесь пробыл центр Войска до 1805 г., когда был основан г. Новочеркасск.

³² Собр. гос. грамот и договоров. Т. III. С. 400, 402.

Глава 5

Народ Дона

Народ Дона составляли донские казаки, свободные граждане Донской республики. Что касается этнографического состава казачества, то главную его массу составляли, несомненно, выходцы из Великороссии. В низовьях Дона вошла в состав донского казачества довольно заметная, но быстро растворившаяся в великорусской массе группа малороссов. Самое название одной из столиц донского казачества – Черкасской городок – свидетельствует о малорусском происхождении первых ее насельников. В первую эпоху в состав казачества входило некоторое (небольшое) количество татар. Имя одного из первых донских атаманов – Сары-Азман – говорит о восточном его происхождении. Впоследствии встречаются в составе главного войска (обитателей столицы Дона) небольшие группы «чюров, болдырей и татар». Чюры, или чуры, а также болдыри обозначают одно и то же понятие: это – метисы, помесь русских и инородцев (преимущественно же татар).

Татары были в составе Войска с его основания. Их не принуждали креститься. Были они или из мешерских казаков, или беглецы из Крыма и из Ногайской Орды. В XVII–XVIII вв. они были объединены в особую группу. Именовались они «своими», «юртовыми», «жилыми» татарами. Служили честно и оказывали Войску серьезные услуги в сношениях с единоверцами, подвластными Крыму и ногайским мурзам³³.

Калмыки вошли в сношение с Донским Войском впервые в 1642 г., а в 1648 г. заключили с ним оборонительный и наступательный союз против Крыма. Отдельные беглецы зачислялись в Войско, а в 1686 г. на Дон перебежало до 200 кибиток (семейств).

Донских калмыков звали иногда юртовыми и базовыми. С 1803 г. они были поселены в Задонской степи³⁴.

Помимо инородцев восточного происхождения, входили в Войско понемногу и представители других национальностей: в XVII в. – поляки, грузины, греки; в XVIII в. – шведы (финны), немцы и (в XIX в.) даже один француз. Фамилии донских казаков: греков, поляков, грузин, калмыков – Болдырь, Чуркин, Болдырев; татар – Урусов, Татаркин, Татарченков, Татаринов, Мурзин, Мурзенко, Волошенинов, Жидков, – говорят о происхождении их родоначальников. Донские казаки – Миллеры – уже служилого происхождения. Подавляющее большинство донцов – великороссы, православные. О малороссийском происхождении говорят фамилии: Черкашенин, Несвитаев, Хохлач, Пан; но фамилии, оканчивавшиеся на «ко», самими же носителями их переделаны были на «ков» (например, Михайленков). Уроженцем Курляндии (финского происхождения) был атаман эпохи Смуты – Андрей Корела. Донское казачество быстро и легко ассимилировало всех новопривывших, делая их русскими по языку, православными по вере и казаками по мирозерцанию.

Казаки с первых же моментов своей истории характеризуются высоким чувством русского национального самосознания. Неоднократно находим мы в исторических актах свидетельство этому: они «природу свою» (то есть русское происхождение) «всегда помнят», знают свое «общее отечество». Они отбивают оружием и выкупают из плена у татар русских «полоненников», кормят их на свой счет и для этого «деньги собирают со своей братьи казаков, себя осудя» (1639).

³³ В Черкасском была особая Татарская станица, имевшая свою мечеть. После 1856 г. татары выселились группой в Турцию.

³⁴ В 1907 г. их числилось 30 176 душ обоего пола. *Попов*. Крат. очерк. С. 14. Ср.: *Маслаковец Н.А.* Статистическое описание кочевья донских калмыков. Труды Войска Донского статистического комитета. Т. VI.

Вступая в борьбу с турками, казаки призывают друг друга «попомнить престол Ивана Предотечи, государевы милости, атаманской и молодецкой славы не потерять», «пострадать за истинную православную христианскую веру».

Но тем не менее казаки всегда, в течение всей своей истории, противопоставляют себя, донцов, – русским, а Дон – Руси. Броневский в 1830 г. пишет, что «отчуждение донских казаков от русских и теперь заметно». В переписке казаков с московским правительством мы всегда находим противоположение: «на Дону» и «на Руси». В одном из исторических актов 1640 г. читаем: «которые русские люди с Дону отпущены к Руси и тех русских людей ворочают в Азов»³⁵. Это странное смешение – подлинного русского национального чувства у казаков с резким отмежеванием от слова «русский», именование себя казаками, не русскими – все это имеет в основе своей причины социально-политического характера. Дон – это убежище всех, кто был задавлен московским государственным и общественным строем, кто бежал от московских порядков. Казаков объединяет любовь к свободе политической, религиозной и индивидуальной, свободе от тягла и принудительной службы, вражда к привилегированным землевладельческим классам, «лихим боярам», отвращение к земледельческому труду, который вел тогда к закабалению работника.

Социальное неравенство Московского государства вызвало в казачестве обостренное сознание полного равенства и стремление к нему. Общеизвестен ответ казаков русскому послу в Константинополе графу Нащокину, ехавшему в 1592 г. через Дон. Он привез в дар казакам сукна и, по московскому приказу, исходившему из глубоко укоренившегося понятия о неравенстве, «хотел, разверстав, раздать лутчим добрые, а рядовым средние, а иным рославские» (очевидно, рославские сукна были третьего сорта). «И они (казаки) говорили, что у них больших нет никого, все равны, и разделят сами на все войска, по чему достанетца»³⁶.

В XVII в. на предложение московского правительства прислать в Москву, в состав посольства, «лутчих» людей донские казаки ответили, что «лутчих людей у них нет, все они меж себя равны: лутчие – ково они, выбрав войском, пошлют»³⁷.

В социальном отношении казачество, по происхождению, представляло собой весьма пеструю группу: здесь можно было встретить и бывших царских стрельцов, и служилых людей, и дворян. Все они теряли свои титулы и фамилии, оставалось лишь именование по отчеству или какая-нибудь казачья кличка³⁸.

Котошихин, в 1666–1667 гг., писал о донских казаках: «а люди они породю москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровья, и запорожские казаки, и поляки, и многие из них московских бояр и торговые люди и крестьяне»; в одной отписке царю, в 1675 г., казаки писали: «А на твою государеву отчину, на реку Дон, приходят к нам... всяких чинов люди и иноземцы, надеючись на твою государеву премногую милость, и теми людьми твоя государская река наполняется и служат тебе, великому государю, за едино». В 1592 г. среди фамилий

³⁵ Донские дела. Т. II. С. 44. Атаман А.К. Денисов в конце XVIII в. отмечал, что все донцы исстари «считают себя одним народом». Записки. Русская старина. 1874. V. С. 5–6.

³⁶ Историческое описание. С. 57.

³⁷ Донские дела. Т. I. С. 660–661.

³⁸ Иногда фамилии казачьи указывают на происхождение их из определенной местности: Мещеряк, Калуженин, Стародубец, Трубчанин, Самаренинов. Иногда они происходят от имени городка: Богаевский, Маноцков, Кумшацкий; или от местности на Дону: Миюсский. Иногда она подчеркивает какое-нибудь качество физическое или моральное: Картавый, Бедришев, Жопин, Сухоруков, Хиловатый, Нос, Рот, Косой, Скалозуб, Хороший, Смирный, Плохой. Более оригинальные клички: Лебязья Шея, Долгая Пола, Вострая Игла, Чергов Ус. О рыбаках говорят фамилии: Ершов, Карасев, Стерлядев, Сула. О страданиях от турок на галере («каторге») говорит фамилия Каторжный. Для пролетарского происхождения казачества характерны фамилии: Голодный, Гольный, Драный. Есть клички поносительные: Дура, Ебалда и т. п., даже неудобосказуемые. Чаще же всего фамилии происходят от имени собственного: Ефремовы, Харламовы, Васильевы и т. п. Ср. указатели в Донские дела. Т. I–V; *Личин* А.А. Акты. Т. I–III и т. п.

атаманов на Дону встречается фамилия Воейков, старая дворянская. Но дворян попадало на Дон очень мало³⁹.

Главную массу казачества составляли представители низших сословий, в особенности же крестьянства вольного или уходившего на Дон от закабаления и холопства. Уложение царя Алексея Михайловича свело воедино все прежние законы, закрепощавшие крестьян помещикам. С другой стороны, царствование Алексея Михайловича ознаменовано грандиозными религиозными гонениями на тех, кто, вопреки постановлениям господствующей церкви, не пожелал согласиться на исправление богослужебных книг и на отказ от старых обрядов в области веры. Люди, желавшие верить по-своему, искали убежища на Дону, в вольной колонии русского народа, в среде донского казачества, и находили здесь свободу веры.

В течение первых ста лет своего существования казачество пополнялось почти исключительно притоком взрослых мужчин, покидавших Московское царство в поисках политической, религиозной или социальной свободы. Браки начались лишь в XVII в., когда войско стало терять свой характер военного братства, своеобразного рыцарского ордена.

В первую эпоху существования казачества никаких сословий на Дону не существовало. Все были свободны, все были равны между собою, все были воинами, а в мирное время охотниками и рыболовами.

До третьей четверти XVII в. занятие хлебопашеством не было известно на Дону. В 1685 г. тамбовские жители доносили царю о казаках: «наперед сего по р. Хопру и по Медведице отнюдь пашню не пахивали и никакого хлеба не севали, а важивали хлеб из русских городов и кормились зверми и рыбою, а ныне-де в тех (казачьих) городках, они (казаки) завели пашню; и слыша то, что они, казаки, пашню пашут и хлеб сеют, дворцовые, и помещиковы, и вотчинниковы, и монастырские крестьяне и бобыли и боярские холопы к ним, казакам, бегают»⁴⁰.

Еще в 1690 г. хлебопашество на Дону воспрещалось под угрозой смертной казни войсковою грамотой⁴¹. Причина этого, как мы указали выше, заключалась в том, что земледельческий труд в России XVI—XVII вв. вел к закабалению свободного землепашца, к рабству экономическому и личному.

Итак, казаки все были люди свободные. Однако еще в XVIII в. существовал на Дону институт рабства. Рабами, хотя и в весьма малом количестве, были пленники, называвшиеся на Дону татарским словом «ясырь». Казаки брали пленников исключительно для выкупа. Впоследствии из ясырок стали они себе брать жен. У знатных казаков ясырки стали работницами, прислугою, и еще до начала XIX в. горничных на Дону звали ясырками. Казаки считали себя вправе убить невыкупленного раба или продать его в Москву. Впоследствии, когда началось на Дону скотоводство и земледелие, ясыри были пастухами и работниками на пашне. Во второй половине XVII в. представители казацкой старшины уже покупали «ясырей» у рядовых казаков⁴².

По большей же части ясырей брали для «окупа». Местом меновой торговли (товар на ясырей) был Окупной Яр близ турецкого Азова. Там же казаки выкупали и русских полоненников, угоняемых татарами с окраин Московской Руси. Вообще же говоря, рабство на Дону, в XVI—XVII вв., было малораспространенным явлением. Рабами становились пленные татары, турки, калмыки. В XVIII в. прибавились пленные других наций (например, во время войн

³⁹ Х.И. Попов пытается доказать, что в том же 1592 г. был еще атаман князей Трубецкой. На самом деле это был Трубецких, то есть бывший человек или крестьянин князей Трубецких, а не князь Трубецкой.

⁴⁰ Дополнение к Актам историческим. Т. XII. С. 124.

⁴¹ Труды статистического комитета. Вып. I. 1867. С. 73; *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону. С. 16.

⁴² Дополнения к Актам историческим. Т. XII. С. 198. Кроме своих же атаманов, покупали «ясырей» приезжие на Дон торговые люди. В 1651 г. «для покупки полоняников и всякия рухляди приезжали на Дон из государевых городов торговые люди из Астрахани и из Царицына и из иных из многих городов, и ясырь у казаков покупали рублей по 20, и по 30, и по 40 человека». Исторические описания. С. 386.

императрицы Елизаветы с Фридрихом Великим и с Швецией даже пруссаки и финны). В списке имущества, оставшегося после казненного в 1688 г. в Москве донского атамана Самойла Лаврентьева, мы находим где-то между «сапогами красными азовскими» и «шубой китайчатой на зайцах» также и «двух девок татарок» и резолюция царя о них: «отдать тех девок нынешнему атаману⁴³, велеть продать, а деньги послать в Войско», войсковому атаману. Таким образом, ясыри трактовались как вещь. Однако личность раба на Дону была, во многих случаях, ограждена. Раб мог стать свободным по воле господина. Даже против воли хозяина раб мог быть освобожден по постановлению круга. Так, в 1675 г. была освобождена полонянка, донесшая на хозяина, который собирался учинить государственную измену – бежать в турецкий Азов⁴⁴. В 1776 г. распоряжением Войска была разведена пленная туркиня Дарья, пожаловавшаяся на хозяина, что он выдал ее за своего крестьянина «с принуждением и с причинением ей немалого боя, без всякого ее желания»⁴⁵.

Кроме рабов была на Дону довольно значительная группа лиц, не принадлежавших к казачеству. Это были беглые из Великой и Малой России, еще не принятые в казаки, которых акты той эпохи называют «бездольными людьми», «бурлаками». Последний термин укрепился за этой категорией людей. Из них образовались «ватаги», группы работников для ловли рыбы и варки соли. Наемный труд стал получать развитие на Дону с середины XVII в., в особенности же в связи с начавшимся земледелием. В актах 1680 г. мы встречаем упоминание о «работниках», «работных людях»⁴⁶.

Отчасти это были на время пришедшие из русских городов на заработки: так «работный человек Вас. Зайка ходил с Царицына на Дон покормитца работой, в казачьем Качалине городке жил в куренях у казака Гр. Кондратьева». Другие же продолжали жить на Дону в надежде попасть в казаки. Как рабы, так и наемные рабочие, и «бурлаки» не имели политических прав. Так, в 1688 г. «работной человек Ермошка» показывал, что «жил у одного из старшин, работал черную работу, а не в казаках служил и в круги не хаживал»⁴⁷. Не всегда находя себе пропитание на Дону, «бурлаки» были всегдашним элементом социального брожения на Дону.

Среди казаков, воинов и охотников-рыболовов по преимуществу, мы не встречаем ремесленников. Ремеслами занимались исключительно приходившие из царства на заработки на Дон посадские и боярские люди. В актах XVII в. мы встречаем указание на пришлых кузнецов, сапожников, шапочников, серебряных дел мастеров и т. п.⁴⁸ Число ремесленников было незначительно.

Наконец, к числу тех, которые получили впоследствии наименование иногородних не казаков, проживавших на Дону, относились купцы. Сами казаки вели усиленную меновую торговлю, ездили в Азов, в украинные русские города с военной добычей, с рыбой, с мехами. До начала разработки маньчжской соли в Задонской степи казаки ездили за солью в Царицын. С другой стороны, с Воронежа, с Ельца, с Коротояка торговые и посадские люди везли на Дон вино, мед, сырец, хлебные запасы, а с Дону увозили рыбу. За тою же рыбою приезжали и уполномоченные монастырей⁴⁹. Кроме русских купцов проживали на Дону, преимущественно в

⁴³ Атаману зимовой станицы 1688 г., то есть главе Донского посольства.

⁴⁴ Дружинин В.Г. Раскол на Дону. С. 26. Примеч.

⁴⁵ Труды статистического комитета. Т. II, 1872. Материалы.

⁴⁶ Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 197, 214, 264.

⁴⁷ Дружинин В.Г. Раскол на Дону. Т. II. Примеч.

⁴⁸ Воронежские акты. Кн. 3. С. 71–72; Дополн. к Актам историческим. Т. X. С. 430; Т. XII. С. 152; Дружинин В.Г. Раскол на Дону. С. 20. Примеч. 64; Паллас. Т. I (фр. изд.). С. 227.

⁴⁹ Воронежские акты. Кн. 3. С. 147, 177; Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 183; Дружинин В.Г. Раскол на Дону. 1820.

столице Войска – Черкасске, иностранные купцы – греки, армяне. Французы, итальянцы (венецианцы) появились на Дону лишь около середины XVIII в.⁵⁰

Всякий, не принятый в казачье общество, но проживавший в казачьем городке, носил на языке казаков имя «тумы»⁵¹. Нужно еще раз подчеркнуть, что донское казачество в XVI–XVII вв. составляло почти исключительное население Донской колонии и образовывало из себя в социальном отношении общину, в которой было полное равенство прав и обязанностей.

Община донских казаков не была федерацией станичных общин. Все войско владело всеми землями, водами, рыбными ловлями, звериными гонами, лесами и прочими угодьями. Станицы казаков, жившие по городкам, были лишь подразделениями единого Войска, единой социальной и политической организации.

Вместе с тем существовали и в первоначальном строении казачьей общины некоторые подразделения казаков. Последние делились на верховых и низовых. Первое название носили казаки, жители городков до городка Голубые, вверх по Дону и его притокам, а второе – обитатели городков, ниже Голубых лежащих. Преимущественное политическое и военное значение имели низовые казаки, в землях которых находились последовательно столицы войска: Раздоры, Монастырский городок, Черкасск. Сознание преимущественного своего значения сказалось у низовых казаков в 1592 г., при следующем случае. До этого года цари московские, посылая своих послов на Дон, адресовали свои грамоты просто «донским атаманам и казакам»⁵². Затем формула осложнилась, стали писать: «на Дон, донским атаманам и казакам, старым и новым, которые ныне на Дону и которые зимуют близко Азова» (грамота царя Феодора Ивановича, 31 августа 1584 г.). Грамота, вызвавшая негодование войска, носила такой заголовок: «От царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси, на Дон, донским атаманам верховым и низовым, Степану Ершову и всем атаманам и казакам верховым и низовым...» Казаки заявили послу Нащокину: «прежде сего государь... писывал к нам грамоты низовым атаманам лутчим имянно и всем атаманам и казакам низовым и верховым, а ныне-де писано на перед атаманам и казакам-де верховым, а после нам, низовым, и то не имянно, а верховые ж казаки государевы службы и не знают»⁵³.

Объяснения посла, что грамота была адресована сперва верховым казакам потому, что, плывя сверху по Дону, посол должен был встретить в первую очередь верховых казаков, были признаны неудовлетворительными. Да и, действительно, низовые казаки были авангардом русской вольной колонизации, принимавшим на себя все удары кочевников и турок, верховые же жили в тылу.

В актах XVI–XVII вв. встречается часто различие казаков «старых» и «новых». Новыми являлись те, которые непрерывно пополняли ряды казачества, терпевшего урон от войн. Проживши известное время на Дону, они «застаревали» здесь, из «новых», «молодых», становились «старинными», «старыми» казаками, обзаводились известной оседлостью, скотом и т. п. Так постепенно создавалось деление на группы: более сильную социально и более влиятельную политически группу «старых» казаков, с одной стороны, и более демократическую группу «новых» казаков, с другой стороны. «Новым» казакам, «голытьбе», пока они не обзаводились добром, не были свойственны особые политические идеалы. В 1614 г. в ответ на убеждение поддержать Михаила против Заруцкого «иные казаки, молодые люди, говорили: «нам бы где зипунами добыться...»⁵⁴ Было это, правда, не на Дону, а на Волге, но психология у казачьего пролетариата была одинаковая.

⁵⁰ *Липин А.А.* Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск. Т. II. Т. III. Ч. I.

⁵¹ О «туме» см. статьи: *Поляков А.* Донские войсковые ведомости. 1862. № 35–36. Пудавов – там же.

⁵² *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. 1903. С. 65. Примеч.

⁵³ Грамота царя Иоанна IV, 17 авг. 1571 г.; *Материалы для истории Войска Донского.* 1869. С. 3; *Собр. гос. грамот. и договоров.* Т. II.

⁵⁴ *Акты исторические.* Т. III. С. 425.

Было бы ошибочно, однако, думать, как делают это некоторые, что казачество было пролетариатом ободранцев (Lumpenproletariat) и что казачьи идеалы в эпоху всех народных движений были типичными идеалами люмпен-пролетариев (голодранцев): желание мести, разрушение, стремление «огрбить награбленное», перераспределить ценности и «поровнять» всех. Такова была, мол, теория и практика казачества в эпохи Смуты, разиновщины, пугачевщины. Как мы увидим далее, взгляд этот неправилен. Казаки были представителями русского народа, пытавшимися построить общество и государство на иных началах, нежели это было в великой метрополии. Они создавали трудовое товарищество, социальную общину и государственную организацию на началах равенства, свободы и братства. Они выполняли колоссальную национальную задачу борьбы со степью и с кочевниками и сознавали эту задачу и ее значение. Тот, кто недавно покинул семью и «родимцев» на Москве, особенно остро ощущал ненависть к московским порядкам и жаждал мести. Но казачество в массе умело подыматься до высоких национальных и религиозных переживаний. И «сарынь на кичку» не было лозунгом казачества.

С самого начала существования казачества его вожди – атаманы – отделялись и в жизни, и в актах эпохи от «рядового» казачества. По истечении полномочий атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. Мы видели уже, что в 1592 г. они были недовольны, что царь не назвал их поименно в грамоте, посланной на Дон. В половине XVII в. этих «знатных», то есть всем в Войске известных, казаков стали звать «старшинами»⁵⁵.

Эти старшины были хранителями традиции и военных, и политических, и юридических, что было особенно важно, так как Дон был типической страной прецедента, обычая. Но не только политический и военный опыт выдвигал старшин. Несмотря на безусловное гражданское и политическое равенство, мало-помалу создавалось на Дону неравенство экономическое. В руках старшин сосредоточились богатства, в виде военной добычи, в виде скота и лошадей. В конце XVII в. уже обозначилась рознь между старшинами и голытьбой, беглыми с России, которые прибывали на Дон в большом количестве. Терский атаман Ив. Кукля, покровительствовавший бежавшей к нему с Дона голытьбе, называл в 1688 г. донских старшин «станишными бояры и воеводы», а укрывшийся с Дону на Терек бывший донской станичный атаман Мурзенко грозился возвратиться на Дон и у «войсковых старшин головы резать, и бородами связывать, и через якору вешать...»⁵⁶.

Социальный антагонизм проявился на Дону в третьей четверти XVII в. довольно остро. Он был одной из главных причин крушения донской независимости. Старшина казачья стала, естественно, тянуть в сторону Москвы. Бояре московские очень ухаживали за старшинами во время приезда их в Москву в составе ежегодных казачьих посольств («зимовых станиц»). Царь дарил старшинам богатые дары: в Москве явно, на Дону, через своих послов – тайно. Московская партия, создавшаяся на Дону в половине XVII в., состояла преимущественно из старшин. Однако не надежда получить от царя поместья на Руси, не грубый подкуп заставляли в конце XVII в. казачьих старшин обращать свои взоры к Москве. Их социально-экономические интересы начинали уже отделяться от интересов общины. Переход от охотничьего быта к скотоводству, а затем и к земледелию, пользование рабским и наемным трудом для охраны табунов и стад, для обработки земли, для услуг; накопление богатств в руках старшин – все это выделяло старшин из единой прежде среды казачества. Обособленное положение старшин в казачьей среде, стремление их стать независимыми от воли демократической массы, желание обеспечить обработку своих земель принудительным трудом крепостных, жажда почета соответственно создавшемуся социальному положению – все это заставляло старшин оглядываться невольно на Москву, на московское поместное дворянство, вздыхать о дворянском звании, о праве владеть крепостными. Процесс превращения старшин в дворян длился полтора века и

⁵⁵ Впервые такое наименование мы встречаем в 1647 г.

⁵⁶ Донские акты исторические. Т. XII. С. 271, 280.

закончился лишь в начале XIX столетия. Однако тенденции к разделению единой социальной массы казачества на две неравные группы наметились уже во второй половине XVII столетия.

Приведенные выше сведения о населении вольной колонии русского народа на Дону говорят нам о том, что общественная организация колонии, благодаря ее примитивности, представляет собой в XVI—XVII вв. нечто цельное, монолитное. Все члены общины равны между собою и в политическом, и в социальном отношении. Все они ясно чувствуют свою обособленность, и социальную, и политическую, от остального русского народа. Казачество ревниво охраняло право своего звания. Казачье посольство в Москве, зимою 1640 г., просило правительство расследовать, «для чего» некий Ив. Поленов «живет на Москве и донским казаком называется»⁵⁷.

Чтобы стать полноправным гражданином Донской республики, нужно было быть принятым в казаки. Для этого требовалось заявление в войсковом кругу и согласие круга. Далеко не все получали это согласие Войска. Нужно было пожить на Дону, иногда лет 5–7, войти в местную жизнь, зарекомендовать себя, и тогда уже давалось разрешение на прием в казаки. Отказ в приеме мотивировался иногда политическими причинами: так, опасались принимать азиатских выходцев. Экономические причины отказа заключались в нежелании казачества превысить норму, на которую давалось так называемое «царское жалованье», то есть субсидия, выдаваемая московским правительством Донскому Войску за вспомогательную службу казаков в войсках царя и за охрану Войском безопасности южной границы царства.

В случае нужды в людях Войско предписывало станицам представить списки бурлаков, живших по городкам не один год и носивших поэтому особое название «озимейных бурлаков» (дословно зазимовавших), проводивших на Дону не только время летних работ, но живших и зимою, то есть весь год сплошь. Войско, по представлению станиц, избирало из числа «озимейных бурлаков» лучших и достойнейших и записывало их в звание служилых казаков⁵⁸.

Прирожденных прав вначале (до конца XVIII в.) не было. Дети казаков именовались «казачий сын», пока не принимались, в свою очередь, в Войско и не становились казаками. В XVIII в. казак, пробывший много лет вне Войска, должен был просить станицу о дозволении ему жить в станице, «если от Войска будет милость на вступление его по-прежнему в звание казака...». Уехавший в Москву казак, поселившийся там, становился уже «бывшим донским казаком»⁵⁹.

Никто не мог и не пытался навязать донским казакам принять кого-либо в число их сограждан. Наоборот, притязания московского правительства воспрепятствовать зачислению в казаки ряда лиц начались уже в третий период жизни казачества, после 1671 г. Именно правительство стало бороться с приемом на Дон беглых холопов и крестьян⁶⁰. До 1671 г. был лишь один случай, когда Москва интересовалась, не хотят ли казаки принять к себе на Дон известного претендента Александра Ахию. Это было в 1638 г., и причиной запроса была боязнь вызвать осложнения с Турцией. Но вопрос был, конечно, не о зачислении Ахии в казаки, а о политическом убежище.

⁵⁷ Донские дела. I, 980.

⁵⁸ *Леонов А.А.* О том, как поступали в казаки в старое время // Донские войсковые ведомости. 1862. № 39 и 40; также: *Краснов Н.*, ст. в «Военном сборнике». 1862. 4 апр.

⁵⁹ Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 177.

⁶⁰ Что касается малороссиян, то московское правительство, принимая черкас семьями на Слободскую Украину, предписывало: «а одиноких, у которых племени в выходцах не будет, не принимать: сказывать, чтобы шли на Дон, для чего давать им прохожая памяти» (июль 1649 г.). *Соловьев С.М.* История России... Изд. 2-е. Т. X. С. 227.

Глава 6

Власть Дона

Таким образом, Донская колония обладала своей территорией, отделенной долгое время от метрополии незаселенными, пустыми местами, и своим населением. Спрашивается, была ли в колонии своя собственная государственная власть, был ли Дон государством или провинцией царства. На этот вопрос нужно ответить: безусловно, на Дону существовала своя собственная государственная власть и с 1549 по 1721 г. Дон был государством, а не провинцией.

Государственная власть на Дону имела источником своим народную волю, и Донская колония представляла собой республику. Суверенная власть принадлежала общему, народному собранию, носившему название круга или войскового круга. Предполагалось, что в круге присутствуют все правоспособные политически граждане, все великое Войско Донское, то есть все Войско в полном его составе. Мимоходом заметим, что в XIX уже веке это выражение стали толковать как титул, соединяя два первых слова в одно – «Всевеликое Войско» – и придавая ему смысл величия, суверенности и т. п.

Для меня, как историка и юриста, несомненна тесная связь между кругом и древнерусским вече. Идея народоправства, отмиравшая в Северо-Восточной России и сознательно уничтожавшаяся великими князьями московскими в Новгороде и Пскове, нашла свое выражение в вольной колонии русского народа на Дону. Свойственное славянским народам, русскому в частности, стремление решать общие дела путем общего совета и общего согласия, искореняемое в Московском государстве, продолжало жить в душе вольных промышленников, воинов и охотников, ушедших из пределов царства в Дикое поле.

Казачья была прирожденными республиканцами. Каждая отдельная группа казаков, для какой бы цели она ни объединялась, решала все дела сообща, в кругу. Была ли это ватага, собравшаяся на рыбную ловлю, для добычи соли, для перевоза товара; была ли это ватага для совместного празднования и объезда своих друзей – она неизменно избирала сообща своего главу – «ватажного атамана» – и исполнителя его веления «есаула». Собиралась ли станица для занятия новой территории (так называемая «юрта»), никем не занятой, и для основания на ней нового городка; отправлялась ли «зимовая станица» (посольство) в Москву; выступало ли в поход против врага «походное войско» – все они выбирали – каждая организация для себя – атамана и есаула. При этом в походном войске избирались, помимо походного атамана и его есаула, полковники, сотники и есаулы. Равным образом, при дальнейшем усложнении в организации войсковой организации в XVII–XVIII вв., все чины ее были выборные.

Соответственно, и все вопросы решались казаками коллегиально. Выборные власти были лишь исполнителями воли и предначертаний общего собрания соответственной организации (сбора или круга). Интересно, что в эпоху мятежей в Московском царстве народ, подражая казачеству, собирался в круги. Так, неоднократно, во время восстания стрельцов на окраинах Московского царства (в конце XVII в.), стрельцы также устраивали круги. Во время бунта Стеньки Разина, в юго-восточной полосе России, казаки насаждали по городам свое устройство, объявляя жителей казаками и предписывая им собираться в круги, выбирать «городовых» атаманов. Так было в 1670 г. в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Симбирске. Это было общим явлением в районе царства, охваченном восстанием 1670 г.

Само московское правительство смотрело на республиканский уклад казачьей жизни как на естественный факт и свое нерасположение к республиканству казаков стало проявлять лишь во второй половине XVII в., да и то исподволь и очень осторожно. В первой же половине XVII в., подкрепляя Донское Войско посылкою на Дон «вольных охочих людей», вооруженных за счет царя, правительство поручало «тех вольных людей отдать на Дону атаманам и каза-

кам...». «И вы б, – писано было в наказе воеводам, – атаманам и казакам и нашим вольным людям велели быть к себе и учинить круг и сказали, чтобы вольные люди были у атаманов и у казаков в послушанье...»⁶¹

Сравнивая казацкий круг и древнее русское народное собрание – вече, – мы видим черты их полного сходства. Летописец рисует следующую картину: «Новгородци-бо изначала, и Смольняне, и Киене, и Полочане, и вся власти (волости, страны) якоже на думу на вече сходятся, на что же старейшие сдумают, на том же пригороды станут»⁶².

Подобно тому как в каждой древнерусской земле был свой старший город, к которому тянули все пригороды (младшие города) той страны, и вся страна управлялась вечем, народным собранием старшего города, точно так же и на Дону все «городки» (станции) казацки беспрекословно повиновались Войску, имевшему пребывание в главном городке, и выразителю воли Войска, войсковому кругу, хотя, в сущности, полное собрание всех казаков бывало фактически раз в году, а в остальное время в кругу принимали участие только «войсковые» казаки, то есть жившие в столице. На круге, как и на вече, присутствие и подача голоса были предоставлены на волю члена общины; он по своему усмотрению мог присутствовать в кругу, мог и не присутствовать, подавать голос и не подавать, но каждый присутствовавший и не присутствовавший должен был повиноваться приговору, состоявшемуся на круге, и не присутствовавший не мог отговариваться своим отсутствием. То же было и на вече.

Подобно тому как вече могло переменять существующий порядок вещей, сменять князя, сановников, судить и наказывать, точно так же и круг имел безграничное право выбора и смены неугодных лиц, суда и наказания.

В отличие от вече, для которого всегда достаточно было наличных граждан главного города, донские казаки считали нужным раз в году устраивать «съезд» всех казаков на круг, в главный городок. Обыкновенно это было весной, для решения обычных дел и дележа государева жалованья⁶³. Однако в случаях чрезвычайной важности (например, весть в 1639 г. о походе на занятый казаками Азов крымского царя) «атаманы и казаки по тем вестям посылали из столицы вверх по Дону по всем городкам и запольным речкам и велели... всем казакам ехать в съезд к себе в главный городок»⁶⁴. В более тревожные годы казаки «для совету из городков» в Войско «часто приезжали». Обыкновенно же, в менее важных случаях, «посылали о войсковой думе в ближние (от главного) городки войсковые для съезду, письма...»⁶⁵.

В 1688 г. в апреле, по чрезвычайно важному вопросу (о выдаче на расправу в Москву бывшего войскового атамана Лаврентьева), казаки, не довольствуясь кругом в Черкасках, послали в верхние городки до Раздор и на четвертый день учинили «иной круг»⁶⁶. В 1675 г. казаки, уклоняясь от исполнений неугодных им пожеланий царского правительства, писали, что вопрос не может быть решен «без совету с верхними городками»⁶⁷.

Присутствовало ли на круге (в важнейших случаях) фактически большинство казаков или же только жители главного городка с атаманами ближайших городков, все равно воля круга была волей всего Войска.

⁶¹ Донские дела. II. С. 1085. Ср.: *Сухоруков*. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII ст. // Русская старина. 1825; *Котельников Е.Н.* Историческое сведение Войска Донского о Верхней Курмоярской станице // Донские войсковые ведомости. 1860. № 12 и сл., отд. изд. Новочеркасск, 1891 (также Чтения общества истории и древностей. 1863. № 3; *Харузин М.Н.* Сведения о казацких общинах на Дону. 1885. В. I. С. XVII, 306.

⁶² Лаврентьевская летопись. С. 160.

⁶³ Дополн. к Актам историческим. Т. XII, 179.

⁶⁴ Донские дела. I, 662.

⁶⁵ Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 195.

⁶⁶ Там же. С. 192.

⁶⁷ *Соловьев С.М.* История России... Изд. 3-е. Т. III. С. 493.

Полную аналогию круга с вечем можно провести и по вопросу о праве участия в круге. Всякий донской казак мог участвовать в круге. Подобно вечу, не допускались на круг малолетние (до 16^{1/2} лет). Так называемые «выростки» (от 16^{1/2} до 18 лет) и «малолетки» (18 лет, присяжные, но не служилые) могли присутствовать, но без права голоса. Подобно вечу, не могли принимать участия в круге «работные люди» и «озимейные казаки», «зажилые бурлаки» и «тумы», как люди посторонние Войску, могущие в любое время оставить Войско. Чужеземцев, каковыми являлись и московские люди, в круг не допускали, хотя они и могли поодаль слушать, о чем речь идет. Азиаты (турки, татары и калмыки) совершенно не допускались, по соображениям военным. Духовенство на Дону было устранено от участия в круге. В конце XVII в., когда началось социальное расслоение казачества, казак, работавший у богатого старшины, из-за работ не всегда мог фактически попасть на круг. Наконец, в эпоху особенного наплыва «голытьбы», в последней четверти XVII в., после усмирения восстания Разина, эта «голытьба» вынуждена была «стоять за кругом», предоставляя решение дел, в центре, старшинам и «старым казакам»⁶⁸.

Войсковой круг решал все дела, касавшиеся Донской республики: объявление войны и заключение мира; посылку вспомогательных войск на службу царю; прием послов, отправление посольств и грамот к окрестным народам и в Москву; все церковные и монастырские дела; выборы всей войсковой администрации и смену ей; прием в казаки, увольнение из казачества; выдачу, уполномочий («войсковых правых писем») и заграничных паспортов («войсковых проезжих грамот»). Круг разрешал станицам заем новых юртов на территории Войска и основание новых городков; он же выдавал соответственные грамоты и решал земельные споры. Круг судил все преступления против Войска и главнейшие уголовные преступления, назначал наказание. Наконец, круг распределял царское жалованье.

Решение круга не требовало ничего утверждения, на них не было никакой апелляции. Акты эпохи часто говорят о «мысли войсковой», о «войсковой думе», выраженной на круге. В действительности же круг выражал волю Войска. Этой воле никто не смел противиться на территории Войска. Вот пример, относящийся к 1638 г., к эпохе, когда казаки владели Азовом. На помощь донцам пришел отряд запорожских казаков (черкас) с атаманом Матьяшем во главе. И запорожские черкасы с атаманом Матьяшем «учали было бунтовать и Войска (Донского) было слушать не зачали, и учали (у донских казаков) просить города в Азове особого и наряду (орудии), и хотел было он владеть и жить особно. И они-де (донские) атаманы и казаки, договоря меж себя, тово черкасского атамана Матьяша убили поленьем до смерти и вкинули в Дон. И после этого запорожские черкасы им во всем послушны по-прежнему, а будет-де они впредь похотят владеть собою, и им-де Войском молчать не будут и с ними управятца»⁶⁹. Такими решительными мерами, с полным сознанием своей суверенности, пресекало Донское Войско попытки «владеть и жить особно» от Войска. К той же эпохе (1641) относится попытка Черкасской и Манычской станиц отказать в помощи Войску, защищавшему Азов от турок из последних сил. Крамольники ответили: «Мы-де за камень не хотим умереть, мы-де умрем за свои щепки». Черкасские и манычские казаки были своими, не пришельцами, но и их постигла бы жестокая кара за ослушание, если бы не соглашение, очевидно, состоявшееся⁷⁰. Для ослушников войсковой воли у Войска было грозное наказание: лишение суда. Это значило, что объявленного «пенным» (от слова «пеня», штраф) всякий мог ограбить и даже убить безнаказанно. Внутри своей территории Войско утверждало свой суверенитет грозными

⁶⁸ Ср.: Соловьев С.М. История России... Об отношениях Вел. Новгорода к вел. князьям Московским. М., 1846. С. 2; Беляев И.Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1906. С. 9, 12–15, 17, 35; Леонов. Войсковой круг // Донские войсковые ведомости. 1962. № 26, 28; Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 292, 161, 139; Сергеевич В.И. Вече и князь. М., 1867. С. 57, 61, 66, 92; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. С. 23, 46–60.

⁶⁹ Донские дела. Т. I. С. 707.

⁷⁰ Донские дела. Т. II. С. 177.

и решительными мерами, вплоть до сожжения мятежного городка и поголовного истребления преступников против Войска⁷¹.

Выборный президент Донской республики – войсковой атаман – был высшим представителем Войска. В его руках было высшее распоряжение военными силами Войска, снаряжение его, высшая администрация, дипломатические сношения. Имя войскового атамана обязательно поминалось в грамотах, адресованных Войску, а равно и в войсковых отписках и грамотах. Он предлагал кругу на разрешение дела и проекты резолюции. Постепенно установилось правило выбирать атамана раз в году, сроком на один год, хотя, фактически, атаман правил, пока был угоден кругу. Неудобный кругу атаман мог быть «отставлен» или даже «скинут». В случае отклонения его предложения кругом атаман считал это голосование актом недоверия и складывал свою насеку (знак достоинства). В случае расхождения с кругом в вопросах политики атаман «сдавал атаманство», не хотел «атаманить».

Атаман должен был находиться всегда в столице Войска. Если Войско выступало в поход под командою войскового атамана лично, то на его место выбирался временный заместитель, а войсковой атаман принимал титул походного. Если Войско, в XVIII в., посылало войскового атамана в Москву, он становился атаманом зимовой (или легкой) станицы, место же его занимал «наказной атаман» – выборный временный заместитель. Таким образом, поддерживалась непрерывность высшего представительства Войска.

Помощником войскового атамана был войсковой есаул, или, как он назывался в XVI в., «молодший товарищ». Есаул был министром полиции в юстиции. Он приводил в исполнение постановление круга по судебной и по административной части. На нем лежала охрана порядка в Войске и в главном городке. В XVII в. войсковых есаулов стало два.

Третьим лицом войсковой администрации был войсковой дьяк или подьячий. Он был, так сказать, генеральным секретарем Войска; через него шли все внешние и внутренние сношения. Считался дьяк на Дону «человеком знатным», ибо был «у государевых дел и войсковых писем». Занятие своим делом не мешало дьяку, в нужный момент, быть исправным воином. Так в 1640-х гг. войсковой дьяк Михаил Петров был взят в плен в бою; за то, что «знал всякие московские вести и войсковую думу ведал», подвергался от турок пытке неоднократно, и выкупу за него запросили турки немало: 2000 золотых червонцев и несколько человек пленных крымских татар знатного рода⁷².

В XVI в. появились и другие должности: войскового толмача и подтолмача – для сношения с татарами и калмыками. Мы упоминали о том, что существовали в походе выборные должности войскового полковника (на полк из 500 человек), сотников и есаулов. Иногда различали в морском походе – судового полковника, так сказать адмирала флота, и боевого полковника – начальника десанта, сухопутного командира. Для срочных ответственных поручений Войска поблизости от столицы посылался есаул, а в далекие поездки – войсковые казаки или старшины. Таким образом, Войско вместо учреждения особых должностей предпочитало систему поручений.

Вообще говоря, должно признать, что долгое время управление Войском носило весьма примитивный характер. Не говоря уже о сложной системе, образовавшейся на Украине, даже в Запорожье существовали постоянные должности судьи и т. д. Татищев уверяет, что на Дону существовали войсковой хорунжий, войсковой писарь. Мы нигде не встречали этих чинов⁷³.

⁷¹ За нарушение войскового приговора в 1683 г. войсковая грамота обещала: «буде из котораго городка такое злое дело учинится, и за то того городка казаков выбить вон и с реки Дону сослать, чтобы им нигде пристанища не было, а городок сжечь, а заводчиков вешать и рубить». Исторические описания. С. 315. Примеч.

⁷² Донские дела. Т. IV. С. 499–505.

⁷³ Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. 1793. Т. II (Донские казаки). Ср.: Скальковский А.А. История новой сечи. Т. I. С. 74—129; Яворницкий Д.И. История запорожских казаков.

Для полноты картины политического устройства Войска Донского нельзя не упомянуть о совете старшин при атамане, который фактически существовал с начала XVII в. Естественно было для атамана, в особенно важных и затруднительных случаях, прежде чем созвать Войско и предложить ему то или иное решение, призвать к себе для совета тех, кто занимал ранее должности атаманов (войсковых, походных, станичных), бывших послов в Москву и т. п. Еще в 1623 г. московское правительство предписывало своему послу Белосельскому призвать к себе «лутчих атаманов Исаю Мартемьянова, да Епиху Радилова и иных атаманов и есаулов, и казаков старых и лутчих, которых Войско слушает»⁷⁴.

Вполне естественно было, что московское правительство пыталось войти в общение с военными и политическими вождями казачества. Мы знаем, что еще в 1593 г. была заявлена претензия Войском, почему в царской грамоте на Дон не поименованы в отдельности атаманы. Это заявление не прошло бесследно, и, в период грандиозного политического движения начала XVII в. и временного бессилия московской власти, мы встречаем обращения царя к Дону, в которых поименно называют 2–3, а иногда и 7 атаманов. Затем имена других исчезают, и представителем Войска, которому адресуются обращения окрестных народов, остается один войсковой атаман. Из этого видно, каким фактическим влиянием пользовалась та группа, которая с 1640-х гг. получила название «старшины».

В 1644 г. посланец Томила Корякин доносит царю о том, что «слышал на Дону у атамана Ивана Каторжного и у его советников»⁷⁵.

О 1644 г. есть известие, что пленных турок, взятых на море, «расспрашивали старшины одни (войсковой атаман) Осип Петров с товарищи, тайным делом»⁷⁶. В 1687 г. атаман Самойло Лаврентьев, собрав к себе на двор старшину, посылал к Кузьме Косому (вождю партии раскольников), «чтобы он шел к ним для разговору»⁷⁷.

Таким образом, складывалось новое учреждение, получившее в XVIII в. название «собрание старшин» и сыгравшее видную роль в управлении и политической жизни Дона.

Наконец, местное управление на Дону было организовано следующим образом.

В гражданском отношении Войско делилось на «станции», то есть местные общины. Каждая община селилась в особом «городке», или «станичном городке». В начале XVIII в. имя «станции» становится обозначением не только общины, но и самого поселения и станицами начинают называться городки, а последнее имя выходит из употребления. Более крупные административные единицы («сыскное начальство», «округ») появляются лишь в конце XVIII в. – начале XIX в.

Подобно Войску, и в каждой станице все дела решает станичный круг или сбор. Он избирает атамана и есаула, затем при усложнении жизни в XVIII в. и других станичных административных лиц (судей, писаря и т. п.). Он судит по всем делам, кроме важнейших уголовных преступлений и преступлений против Войска. Срок полномочий выборных властей – один год.

Таким образом, сверху донизу, организация Войска носит характер республиканский. И в местных общинах, и в Войске, все дела решаются общим собранием граждан. Все власти выборные. Более того, даже воинская организация Войска Донского в XVIII в. носит тот же характер. Войсковой круг определяет контингент воинов, подлежащих отправлению в поход: иногда это одна десятая часть, иногда три четверти всех воинов, способных носить оружие, иногда поголовное ополчение. Собравшись в назначенный пункт, «походное войско» избирало себе «походного атамана», старшин, полковников, сотников, хорунжих и т. п.

⁷⁴ Исторические описания. С. 122.

⁷⁵ Донские дела. Т. II. С. 701.

⁷⁶ Там же. Т. III. С. 70.

⁷⁷ Дополн. к Актам историческим. Т. XII. С. 139.

Итак, Донская республика обладала своей собственной законодательной, исполнительной и судебной властью. Верховная власть внутри Войска Донского принадлежала войсковому кругу и его выборным органам. Она была непререкаема и суверенна. Таким образом, государственная власть Войска Донского была таковою для донского казачества, которое повиновалось ей «не только за страх, но и за совесть». Все вступавшие на территорию Войска признавали эту власть беспрекословно. Далее мы разберем вопрос о внешних отношениях Войска.

Подводя итоги сказанному выше, мы можем утверждать, что в XVI–XVII вв. Войско Донское, говоря языком современного государственного права, было простой (не федеративной) непосредственной демократической республикой.

Глава 7

Дон в 1549–1614 гг

Донская колония имела все признаки государства по своей внутренней организации. Спрашивается, обладала ли Донская республика признанием ее со стороны метрополии и окружающих ее народов? Каковы были, вообще, взаимоотношения Московского государства и Войска Донского в период 1549–1671 гг.?

Как это ни странно, но вопрос о государственном положении Дона не только не разрешался до сих пор, но и не ставился с достаточной отчетливостью. У большинства лиц, писавших о Доне, самый вопрос о государственном бытии его не возникал. Дон мыслился ими как провинция Московского государства, затем Российской империи. Казаки, для большинства историков, были подданными царя от первого и до последнего момента существования Дона, «холопами царскими». Своеобразная политическая организация Дона изображалась как социальная община или как организация военно-служебного характера, с широким самоуправлением. Карамзин видел в Войске Донском «республику», но считал подданство и подчиненность Дона царю – несомненными. Вопрос о государственном бытии Дона не возникает ни у Костомарова, ни у Соловьева, ни у Платонова. Владимирский-Буданов, как мы видели, говорит о Донской колонии как о «земле», союзе вольных общин, вошедшем в союзные отношения с Русью, но с 1549 г. уже присягнувшем царю. Мы не будем приводить здесь мнения отдельных историков, но постараемся установить те исторические факты, на основании которых может сделать свое заключение юрист. Спутанность понятий той эпохи, различие их от современных, отсутствие основных актов – все это затрудняет задачу, но и те данные, которыми мы обладаем, позволяют восстановить юридическое положение Войска как государства, определить сущность отношения колонии к метрополии.

Историков обычно смущают те выражения, которые встречаются в царских грамотах на Дон и в «отписках» донских в Москву. Царь всегда пишет, что Дон – его «отчина», а казаки именуют себя «холопами», «вековыми, прирожденными холопами».

Отсюда обычно делают вывод, что казаки были всегда подданными царя, а Дон всегда был русской провинцией. Делается аналогия со служилыми казаками, которые тоже служили целыми отрядами, под начальством выборных атаманов, а не назначенных только «голов» казачьих. Берутся примеры из той эпохи, когда целые «войска» казачьи образовывались волею царя, причем им даровалось самоуправление. Мы увидим далее, что и слово «вотчина», и слово «холопы» не всегда значило одно и то же и не так звучало на Москве, как на Дону. И сама Москва лишь изредка пыталась вложить в эти слова свой, московский смысл, но немедленно же от попытки отказывалась. Дон стал подлинной царской «вотчиной», а казаки – «холопами», то есть подданными царя, лишь с 1721 г.

Сохранилось на Дону предание, что Иоанн IV в награду за помощь донских казаков под Казанью дал им хартию («жалованную грамоту») на владение р. Доном и на полную свободу от податей и повинностей. Грамота эта, по преданию, читалась по станичным церквам 1 октября ежегодно, но исчезла при Петре I. Если бы подобная грамота нашлась, то мы имели бы перед собою в лице Дона самоуправляющуюся, на основании хартии, колонию, подобную тем, которые были основаны первыми переселенцами из Англии в Северную Америку. Однако государственные нравы Московского государства в XVI в. и Англии в XVII в. слишком были различны, чтобы допустить существование русской республиканской колонии в составе самодержавного царства.

Просто царство было слишком слабо, чтобы наложить свою руку на тех, кто покинул его пределы в поисках вольной жизни и охотничьих и рыболовных угодий. Дон был занят казаками

силою оружия, по праву первого занявшего, и дальнейшие царские грамоты могли признать лишь факт, давно существовавший.

Если, однако, Иоанн Грозный действительно «пожаловал» казачьей вольнице большую реку, ему не принадлежавшую, и предоставил ей завоевывать себе у татар и турок «жалованную» реку с притоками, то это делало бы большую честь его мудрости. Однако мы настаиваем на том, что Донская колония была результатом не правительственной, а стихийной, вольной народной колонизации, происходившей помимо и вопреки воле правительства.

В течение первых 65 лет своего существования (1549–1614) небольшая Донская республика была совершенно независимым государством. Некоторые полагают, что полной независимостью Войско пользовалось до 1671 г., другие же период независимости Дона оттягивают до 1721 г., когда сношения с Доном перешли из ведомства иностранных дел в военное. Я, лично, полагаю, что в период 1549–1614 гг. Донская республика, будучи независимой, вступала с метрополией в союзные отношения, крайне нерегулярные, от случая к случаю. В 1614 г. отношения эти определились и, в силу доброй воли колонии, приняли характер вассалитета.

Каково было первоначальное отношение московского правительства к Дону? Политически появление вольной колонии «трапперов дальнего Юга» было очень на руку для метрополии. Колоссальна была работа Москвы по «освоению» Дикого поля в последние 30 лет XVI в. А тут появился передовой отряд русских людей, который, оторвавшись далеко вперед от медленно наступающей на степь народной массы, на свой страх и риск, вел борьбу со злейшим врагом земледельческой Руси. Рыболовы и охотники выказывали себя отличными воинами, и московское правительство поспешило привлечь их на службу. Старые города Польской (к Полю прилегающей) Украины превращались в постоянные лагеря пограничной милиции путем вербовки казаков для приселения их к городам (крепостям). С 1571 г. вербовка эта шла особенно энергично⁷⁸.

Понятно, что московское правительство постаралось использовать донцов, осевших на пути от Азова к Руси, для охраны послов, ехавших через Азов в Турцию и обратно. Затем донцы осведомляли Москву о планах татар, и, наконец, в своих собственных интересах они вели борьбу с ногайцами, азовцами и крымцами за обладание Доном. Кроме того, с самого начала своего политического существования Донская республика посылала, «по случаям», вспомогательные отряды для участия в определенных походах и войнах Руси. О вызове донских казаков посылались особые царские грамоты, и после окончания операции вспомогательный отряд возвращался на Дон⁷⁹.

В 1552 г. под начальством атамана Сусара Федорова казаки участвовали в осаде и взятии Казани. Помимо Казани, казаки считали своею службою России при Иоанне Грозном участие атамана Михаила Черкашенина в «сидении» в осажденном Пскове; завоевание Сибири Ермаком; участие в делах под Орешком (Шлиссельбургом); при царе Феодоре Иоанновиче – поход под Ругодяв (Нарву) и Ивангород, под Выборг; при царе Борисе Годунове участие в обороне

⁷⁸ В 1577 г. для Шацка надо было 150, для Ряжска – 200, для Епифани – 700, для Деилова – 500, для Донкова – 1000 городских казаков. Акты Московского государства. Т. I. С. 35–37.

⁷⁹ Сведения о количестве казаков, вышедших с Дона на государеву службу (именные списки), посылались в разряд из Посольского приказа. Через разряд шла к отряду царская грамота к казакам, вышедшим на Украину, где именно «быти им в полке с бояры и с воеводы». Если надо было, то казаки разбивались на небольшие отряды (сотни), которыми руководили от правительства «головы», передававшие атаманам оперативные распоряжения. Все время службы казакам платилось жалованье («государевой денежной казны»). Присланные в Москву с отписками или пленными («языками») казаки били челом государю об особом за это жалованье. «Выехали мы, – писали они царю, – с Дону Ивановича на твою государеву службу»... и просили «жалования язычного» или же «за посылки». В 1654 г., повелевая выслать отряд донцов из Ливен в Рьльск, царь писал: «А которые из них учнут ослушаться... и тех велеть имати и сажати в тюрьму до нашего указа»... Следовательно, к донцам пытались применить общие дисциплинарные меры. В 1653 г. боярин Шереметев, распуская донских и яицких казаков по домам, считал возможным наказывать их, «чтобы они были в домех своих... и никуда не разезжались, а быть им на государевой службе по вестям»... Акты Московского государства. Т. I. С. 365, 376, 525, 576; Т. II. С. 352, 370, 403, 415, 542; Т. III. С. 129, 257, 303, 483–484.

Москвы от татар (под Серпуховом). Все эти «службы» помянуты в Донской отписке 1632 г. Сюда можно добавить, пожалуй, службу 1576 г. В так называемой «судовой рати» на Волге.

Велики заслуги донского казачества уже в эту эпоху. Дважды брали в XVI в. казаки Азов, но не могли в нем удержаться. Метрополия всегда отрекалась от своей колонии, когда приходилось вести, по поводу непрерывной казачьей войны, переговоры с могущественным тогда ханом Крымским и тем более с султаном. В 1574 г. Иоанн писал хану Крымскому: «казаки Донские не по нашему велению на Дону живут; бегая из нашего государства, а не по нашему наказу; и много лет живут под Азовом, и много живет того; иногда в миру, а иногда не в миру, да только всякие такие дела у них меж их делаются без нашего ведома»⁸⁰. То же повторяли и последующие цари, и Феодор (1584), и Михаил (1620, 1642, 1643), уверяя, что «на Дону живут воры, беглые холопы боярские, которые утекают из Московского государства от всяких вин своих, и всякие схожие вольные люди, и на море ходят самовольством без повеления великого государя». И Алексей Михайлович (1647) повторял, что «Донские казаки бежали из Московского государства, заворовав, от смертные казни, а живут в тех местах истари кочевым обычаем... а нашего царского повеления не слушают...»⁸¹. И только в 1661 г. Алексей Михайлович впервые сказал несколько слов в защиту донских казаков. Да и трудно было бы ему тогда отречься, потому что в это время уже не раз бывали посылки военной помощи на Дон за царский счет.

Обыкновенно историки, по поводу этого отречения царей московских от казачества, находят, что это были дипломатические увертки слабого Московского государства пред лицом грозных врагов: империи Турецкой и ханства Крымского. Я считаю, что московские бояре, писавшие отписки в Крым и Константинополь, ничуть не кривили душой, говоря о казаках, что это – беглецы из Москвы и что Дон не слушается повелений царских. Войско Донское действительно не слушалось царя, и по очень простой причине: оно считало себя и было на самом деле отдельным государством. Оно плохо слушалось внушений Москвы и оказывало услуги Москве по своему изволению, а не по царскому приказу.

Самая служба, которую спорадически несли донские казаки, была типичной вспомогательной службой вассала сюзерену и выражалась в посылке, по мере надобности, вспомогательных отрядов. Службу эту казаки считали добровольной и находили возможным уходить на Дон тогда, когда это им заблагорассудится. Сошлемся на два исторических примера: в 1579 г. донские казаки, участвовавшие в армии боярина Шеина, из крепости Сокол «пошли без отпуска на Дон». Разрядная книга добавляет: «в те поры Донские казаки изменили, пошли без отпуска». Другой пример относится к 1665 г., когда князь Юрий Долгорукий, в Польском походе, казнил атамана Разина, брата знаменитого Стеньки Разина, за намерение уйти со своим отрядом на Дон без отпуска⁸². Мы не знаем, каков был срок выхода на службу, но в 1793 г. срок этот был равен трем годам, и по истечении их донские полки ушли с Кубани, считая, что они честно исполнили свой долг⁸³. Англичанин, рассказавший историю 1665 г., сообщает, что казаки «просили отпуска», но не получили его и ушли самовольно. Из этих примеров видно, что и в XVI и в XVII вв. казаки считали службу свою метрополии добровольной, каждый раз оговоренной на известный срок, и считали себя вправе уходить по окончании срока. Военачальники московские, естественно, не одобряли этого, но право было на стороне донцов⁸⁴.

⁸⁰ Исторические описания. С. 42. Это была сущая правда!

⁸¹ Там же. С. 205.

⁸² Исторические описания. С. 20; *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. 1359. С. 47–48; также: *Relation des particularitez de la rebellion de Stenko Razin*, Paris, MDCCCLVI. P. 3–4.

⁸³ Правда, в 1793 г. думали полки, отслужившие срок, не возвращать на Дон, а поселить на Кубани навсегда, что усугубляло, конечно, тяжесть положения этих казаков.

⁸⁴ Иногда донские казаки, небольшими отрядами, попросту убегали. Но причиной этого было нежелание нести службу, которой они не обещали. Так, в 1655 г. донские казаки не пожелали делать окопы (земляной городок) в Ворколамове (на

За службу свою метрополии (проводы послов через Дикое поле, присылку отрядов, осведомление о татарских набегах) казаки получали «жалованье», состоявшее из хлеба, воинских припасов и сукна. Это жалованье, в XVI в., давалось каждый раз особо, за отдельные услуги метрополии со стороны колонии. Наоборот, с 1613 по 1809 г. жалованье шло регулярно и ежегодно, кроме нескольких лет перерыва, когда колония порывала с метрополией⁸⁵.

Вряд ли Москва, с самого начала, ясно представляла себе положение Дона с правовой точки зрения. Дела о донских, как и о других вольных, казаках ведались первое время в Разряде, быть может, потому, что это учреждение ведало до Смуты и пограничные местности Северской и Польской Украины. По отношению к донцам обязанность Разряда была двойная: 1) он определял цифру того количества казаков, которых желательно было иметь с Дону (что впоследствии, в XVII в., именовалось «нарядом»); 2) Разряд заботился о посылке на Дон субсидии («жалованья»). Так как донские казаки земли не пахали, как и многие служилые, то хлеб им посылался из казенных житниц. Для наполнения их население южной Украины царства пахало так называемую «государеву десятинную пашню»⁸⁶. Но, ведая и поместных, и вольных казаков в одном и том же учреждении, московское правительство отлично представляло себе разницу между ними. Это не помешало Борису Годунову-правителю сделать попытку превратить донцов в служилых казаков, но результат попытки показал, что Донская община была государственной организацией.

Некоторые рисуют «польское», вольное, казачество как текучую, неопределенную массу, из которой любой антрепренер мог составить «странствующую труппу», чтобы играть на любом «театре». Конечно, набрать отряд любому атаману на Поле было нетрудно. Но общины: Донская, Волжская, Терская, Яицкая – были оседлыми республиками еще с половины XVI в., а не странствующими наемниками типа ландскнехтов. От выхода на вспомогательную службу даже большинства казаков юго-восточные демократии не прекращали (на месте) своего государственного бытия. Это можно сказать даже о Волжской общине, наиболее текучей по составу, даже о Донецкой, быстро исчезнувшей.

Сношения с Доном велись путем посылки царских грамот. Адресовались они сперва кратко «От царя» и проч. «на Дон, Донским атаманам и казакам»⁸⁷.

В XVII же веке выработалась форма, существовавшая неизменно до первой четверти XIX в.: «От царя и великого князя (имярек) всея Руси, в нижние и в верхние юрты атаманам и казакам (имя-отчество войскового атамана) и всему Донскому Войску», или же: «и всему великому Войску». В грамоте обыкновенно указывалось – кого и зачем послал царь на Дон или, через Дон и Азов, в Царьград. «И как (посол) пойдет на Азов Доном и вы б однолично с Азовскими людьми жили смирно, и задору никоторого Азовским людям не чинили, чтоб в

польском фронте) и 300 человек бежали на Дон. Акты Московского государства. Т. II. С. 450. В январе 1633 г. донские казаки, «которые ездили для конных кормов», отошли с государевой службы и пошли на Дон с атаманом Ив. Балашом. Царь послал вдогонку Владимира Ляпунова, сына знаменитого Прокофия, уговаривать донцов вернуться: «Кормовья деньги» давать казакам «безпереводно»... «а наказания им никакого чинить не велено», лишь бы вернулись. Казаки жаловались на отсутствие корма для коней; одни пошли в партизанщину на Малороссийские города, другие «шарпали» Стародубский уезд, то есть брали сено и провиант у крестьян. Балаш был разбит и взят в плен стародубским воеводой, но человек 500 с атаманом Семеном Пирогом прорвались на Дон по Изюмскому шляху. Акты Московского государства. Т. I. С. 440, 447, 478, 480–482, 499. Равным образом, оказали непослушание 1200 донских и яицких казаков, требовали, чтобы им отвели «приставства» для корму коней, «имали у крестьян животину и сено и грабили их». Затем, загладили вину блестящей победой в Смоленском уезде (1633). Акты Московского государства. Т. I. С. 544, 548, 570. Таким образом, донцы протестовали против окопной службы и недостатков московского интендантства, считая себя вправе уйти на Дон.

⁸⁵ Донские войсковые ведомости. 1864. № 7. Чрезвычайно ценная сводка количества «жалованья» за все годы (с 1613 по 1809 г.).

⁸⁶ Сохранились интересные документы о сборе хлеба и о передаче его казакам, в том числе и донским, в конце XVI в. (1594). Донские дела. Т. I. С. 1—24.

⁸⁷ Собр. гос. грамот и договоров. Т. II. С. 62, 83.

том нашему делу поруки не было. И которые, будет, Азовские люди учнут ходить на Дон, и по рекам, для рыбных ловель и для дров, и иных которых запасов, и вы б тех людей пропускали...»

Так писал, например, в 1584 г. царь Феодор Иоаннович⁸⁸.

Поручая послу сговориться с азовским пашою («Санчаком»), чтобы и азовцы жили с казаками в миру, царь оговаривался, чтобы и казаки сами «в Азов от себя ссылались». Таким образом, даже Борис-правитель признавал самостоятельные сношения Дона с Азовом.

Обыкновенно содержались в грамоте просьбы: «толко б есте того берегли накрепко, как воинские люди Крымские, и Казыева улуса, Нагаи пойдут войною на наши украинны, или которые воинские люди пойдут с полоном с наших украин, и вы б втепоры на тех людей на перевозех приходили и над ними промышляли, чтоб над ними... поиск учинити и полон отклоните: того б есте однолично берегли накрепко, а нам тем служили, а мы вас, за вашу службу, жаловать хотим...»

Интересно, что в цитируемой нами грамоте 1584 г. жалованье посылается именно за отдельные услуги. «А ныне, – пишет царь Феодор, – есмь к вам свое жалованье которые ходили атаманы и казаки под Калмиус, послали... селитру и свинец, а вперед вас, своим жалованьем, хотим жаловать». Далее требовалась новая служба: дожидаться посла из Турции и проводить до «Рязского города». При этом царь просил: «А которые останутца низовые атаманы от Азова до Раздоров, и вы б их имяна, хто имянем атаман, и сколко с которым атаманом казаков останетца, тоб есте имянно переписав, дали письмо посланнику нашему... А мы к ним вперед, на весне рано, свое жалованье пришлем...»

Равным образом и грамоты Иоанна IV (1570–1571) говорят о проводах посла Новосильцева к Азову и о том, чтобы казаки «промышляли» о царских «делех заодин» с посланным на Дон «казачьим атаманом Микитою Маминым».

В 1593 г. Борис Годунов-правитель вздумал наложить на Дон руку, посадить донцам назначенного «голову» и, вообще, поступить с донцами так, как поступали воеводы в украинских новозанятых местностях. Казаки глубоко оскорбились и неуважением к кругу царского посла, и вмешательством его в донские дела, и, вообще, попыткой обращаться с ними как с подлинными «холопями» царскими. История эта крайне характерна для выяснения истинных взаимоотношений Дона и Москвы. Ехавший в Турцию, в мае 1593 г., посол Нащокин прибыл «в нижние юрты, где стоят в сборе Донские атаманы и казаки», в Раздоры, и остановился в 3 верстах от Войска «на Гостине» (Гостином) «острову». Нащокин привез с собою грамоты царя Феодора о том, чтобы казаки жили с азовцами в миру, отпустили с Нащокиным в Азов своих турецких «полоненников» без «окупу», проводили бы Нащокина до Азова, а сами были «с сыном боярским с Петром Хрущевым на Дону в Раздорех, где пригоже», и царским делом «промышляли с Петром Хрущовым». Дело шло о превращении донцов в служилых казаков. По дороге Нащокин толковал кое с кем из верховых казаков, и те согласились «итти на государеву службу с Хрущевым». Иначе отнеслось Войско.

Нащокин не пожелал идти на круг и посылал три дня к казакам, чтобы те шли к нему на стан. Уговаривать Войско поехал один из верховых атаманов Вишата Васильев. «И в войску атаман и казаки хотели его в воду посадить» (то есть утопить). «А говорили-де ему, что он тебе, государю, служит, – писал Нащокин в Москву, – а им не доброхотает...» В конце концов, через несколько дней, донцы, придя в стан посла, захватили там силою Вишату Васильева, «били его ослопы» перед шатром посла и тут же «посадили его в воду», «а говорят, что он всему войску изменник...».

На 4-й день приехали к Нащокину атаман Семен Воейков и человек с триста казаков. Посол воспользовался случаем, чтобы сказать им речь «по наказу» и передать грамоты. Казаки заявили, что посла провожать и царю служить готовы, «а полонянников отдати не мочно», ибо

⁸⁸ Там же. С. 86.

взяли их «своею кровью». И, «отшедши» от посла, «в кругу чли грамоты в слух». В кругу решено было полонянников не отдавать. Казаки разгадали умысел Бориса – отделить верховых казаков от низовых – и указали, что обращение к верховым ранее низовых противоречило обычаю. Обещанию царя заплатить выкуп казаки попросту не поверили. Они говорили: «и будет-де государь ныне с вами тот окуп прислал, и мы их отдадим, а без окупу нам их отдавать не мочно... те паи давно у нас в расходе; надеясь на те окупы, занимали и стали в великих долгах; а только-де нам ныне отдать их без окупу, и нам тех окупов не видать и в десять лет, а к Москве нам по те окупы не езживать...»

Напрасно уговаривал посол «много и разводя атаманов порознь». Казаки возражали: «будет вам велел государь тех полонянников взять у нас сильно, и вы-де у нас возьмете из крови, а мы-де, их пересекши, пойдем куды очи несут, уж то-де у нас готово продало...» На это посол попытался возразить: «отъездом вам государю грозить не пригоже, холопи вы государевы и живете на государеве отчине». Казаки прервали переговоры. Через три дня они заявили, что «прежде сего о миру наперед присыльвали» к ним из Азова, а теперь им «через прежние обычаи самим о миру задирать не прихоже». Затем казаки потребовали предъявление наказа, чтобы вытеснить, почему воинские припасы не все передаются в Войско, а часть удержана для верховых казаков, протестовали против разверстки сукон по разрядам. И на неоднократные уговоры «быть с Хрущовым» отказали: «прежде сево мы служили государю, а голов у нас не бывало, служивали своими головами, и ныне-де ради государю служить своими головами, а не с Петром...»

Посла задержали до возвращения «походного войска» из морского похода в Азовское море, а затем силою отняли у него жалованье, присланное на Дон.

Все было необычно для донцов в поведении Нащокина: и нежелание идти на круг, и попытка внести рознь в казачью среду, и требование, чтобы казаки из вольных превратились в служилых. Верный слуга царский – Вишата Васильев, пошедший в служилые казаки, был казнен казаками, как изменник Войску, за то, что «государю доброхотает». Один этот факт говорит больше об отношениях Дона к Москве, нежели десятки отписок, писанных от имени «холопей».

На это, посылая на Дон князя Волконского, отозвался правитель Борис Годунов грозной грамотой. За борьбу с азовцами, которая могла бы «царскому делу с Турским учинить поруху», Борис, именем Феодора, обещал: «и вам от нас быти в опале и в казни и впредь к Москве вам к нам николи не бывать, и пошлем на Низ Доном к Раздорам большую свою рать и поставить велим город на Раздорех, и вас сгоним с Дону, и вам от нас и от Турского Салтана где избыти, только почнете так воровать, как ныне воруете...»⁸⁹ Годунов увидел, что донцы не служилые казаки, а вольная колония, и послал им двойную угрозу – во-первых, пойти войною на колонию, оккупировать ее и поставить царскую крепость в центре республики, во-вторых, вступить для наказания колонии в союз с вековым врагом России – с султаном.

Еще Иоанн, оправдываясь перед ханом и султаном, писал: мы «по всем своим украинам заказали, которой Казак донской ни придет на украинный город наш» (который ходил под Азов), «велели тех, имая, казнити...». При Иоанне и Феодоре подобные заявления бывали больше на бумаге. Несмотря на новые угрозы, донцы не пошли провожать к Азову кн. Волконского, привезшего им вышеуказанную грамоту. Причина этого заключалась в том, что с государственной службы из Серпухова бежал обратно на Дон казак Нехорошко Картавый с вестью: «на Москве их товарищам нужа великая: государева жалованья им не дают, а на Дон не пускают, а служат на своих конях и корму им не дают, а иных в холопи отдают...» Такое обращение с казаками не могло способствовать укреплению связей колонии с метрополией.

⁸⁹ Собр. гос. грамот. Т. II. 125; Исторические описания. С. 15. Примеч.

Отношение Годунова к Дону достаточно определилось еще при Феодоре. Занявши престол, Годунов решил покончить с республиканской колонией. Для «обуздания казаков» он построил город Царев-Борисов на р. Донце, далеко выдвинувши эту крепость в Поле, за линию крепостей, охранявших государство с юга. На запрос хана Крымского Борис заявил, что эта мера направлена не против татар, а против казаков, и подтвердил свои слова целым рядом мероприятий. О них напоминал казакам в 1625 г. царь Михаил Феодорович: «вам пригоже памятовать, какая вам неволя была при прежних государех, царех Московских, а последнее при царе Борисе, не вольно было вам не токмо к Москве приехать, и в украинные города к родимцам притти, и купити, и продати, везде заказано; а сверх того во всех городах вас имали и в тюрьмы сажали, а иных многих казнили, вешали и в воду сажали»⁹⁰.

Если вспомнить, что Донская колония получала хлеб и порох единственно из Московского государства, если присоединить к этому жестокие репрессии против казачества со стороны Годунова, то, не касаясь уже социальных причин, легко объяснить политически, почему казачество взяло сторону Лжедмитрия против Годунова и приняло затем такое энергичное участие в так называемой Смуте. Войско хорошо запомнило угрозу Бориса «поставить город на Раздорех» и в течение всего своего существования все усилия прилагало к тому, чтобы на войсковой территории не было ни крепостей царских, ни войска царского, ни воевод.

Итак, к началу XVII в. определилось достаточно ясно, что Донская колония была чем-то отдельным от Руси и что она стояла на пути государства Российского к южным морям. Борис, предшественник Петра I и Екатерины II, первый решил, что у самодержавно-крепостнической метрополии не может быть вольных республиканских колоний. Смерть унесла его раньше, нежели блокада, объявленная им Дону, принесла результаты. Смута же, возникшая затем, многое изменила.

⁹⁰ Материалы для истории Войска Донского. 1864. С. 41; Донские дела. Т. I. О том же в Никоновской летописи. VIII. С. 59. «Тем же казакам от царя Бориса было гонение велие».

Глава 8

Дон и Смута

Роль, сыгранная казачеством, в частности донским, в эпоху Смуты была очень велика. Можно было бы путем исторического анализа выяснить разницу между действиями казачества вообще, «воровского» казачества, в особенности, и Войска Донского, как отдельного государственного организма, в частности. Во всяком случае, нельзя согласиться с некоторыми историками, которые видят в казачестве исключительно анархический протест закабаляемой народной массы против московского общества и государства. «Казачество на Дону, – пишет С.Ф. Платонов, – служило выражением недовольства гонимых и угнетенных тяглых людей – государством. Оно (донское казачество) себя ставило в стороне от государства, бывало всегда почти ему враждебно». Мы видели уже, что донское вольное казачество было враждебно лишь Московскому государству. На Дону же оно создало иную государственную организацию, довольно примитивную, но основанную на равенстве и свободе.

Точно так же и в эпоху Смуты донское казачество сыграло роль, которую нельзя назвать ни противогосударственной, ни антинациональной⁹¹. Колония вышла из Смуты организовавшейся более прочно, окрепнувшей и вступила в более определенную связь с метрополией. Что касается казачества вообще, то в эпоху Смуты все холопы и крестьяне, взявшиеся за оружие, чтобы искать свободы, немедленно принимали на себя звание казака. Все служилое казачество «Польской» Украины приняло участие в движении. Наконец, «черкасские казаки», приходившие на Русь то с «литовскими людьми», то служившие самозванцам, а то и самостоятельно гулявшие по всей Руси, думали об одной лишь наживе. «Воровским» казачеством крестьянская Русь выразила протест против порядков Московского государства.

Донская же колония отразила не разрушительные, а созидательные стремления русского народа, желание его возродить и укрепить народоправство. Вместе с тем, отвергнув попытку царя Бориса превратить их республику в служилую общину, донские казаки всегда помнили, знали и выражали во всех актах, что царь является национальным вождем всего русского народа. Поэтому донское казачество всегда, кроме редчайших исключений, свое политическое недовольство и протест направляло не против царя лично, но против «лихих бояр», объединяя в этих словах ненависть к московскому политическому и общественному устройству. Поэтому, от начала и до конца Донской республики, верховная национальная гегемония царя является непререкаемой для граждан этой колонии и других казачьих демократий. Из этого-то чувства по отношению к царю, наряду с энергичной защитой казаками их республиканского устройства, и вытекает всегдашнее желание казачества видеть во главе Руси царя народного, казачьего и крестьянского. Отсюда и идет казачья традиция, особенно со времени Лжедмитрия, поддерживать и даже создавать сознательно самозванцев, собственных кандидатов в «казачьи» цари. Начиная от «цариков» Смутного времени, «ублюдка, Маринкиного отродья», которого возил при себе донской атаман Заруцкий, до «царевича Алексея Алексеевича» при Стеньке Разине, до царевича «Петра Петровича» (1732), до самого «амперадора» Емельяна Ивановича (1773) тянется эта история с исканиями такого справедливого, народного царя.

Донская колония, защищая свой суверенитет от Бориса, увидела в нем не столько последовательного защитника интересов метрополии, сколько плохого царя: татарского племени, не царского рода, а главное, врага казачьей республики. Отсюда понятен восторг Дона при пер-

⁹¹ Ср.: рассуждения: *Локоть Т.В.* Смутное время и революция. Берлин, 1923. Выдающуюся роль казачества в ликвидации Смуты признают и Платонов, и Пресняков. Ср.: *Платонов С.Ф.* Вопрос об избрании Михаила Феодоровича в рус. ист. литературе // Журнал Министерства народного просвещения, 1913. II; *Его же:* Моск. правительство при первых Романовых // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. XII; *Пресняков А.Е.* Три столетия. М., 1912.

вой же вести о Лжедмитрии. Как раз в 16001601 гг., когда Борис объявил блокаду непокорной республики, в Киеве появился самозванец. Он правильно сообразил, что Дон мог бы поддержать его, и одним из первых дел его была посылка на Дон какого-то чернеца, чуть ли не подлинного Гришки Отрепьева. Круг отправил 8000 человек к польским границам, и в Краков к самозванцу явились два депутата, атаманы Корела и Нежакож, признавшие его за подлинного Дмитрия⁹². Кроме того, как писал впоследствии Шуйский, самозванец «многия свои грамоты прелестные к украинным людям писал, называючи себя царевичем Дмитрием Углетцким и на Дон, к вором, к Донским атаманом и казаком, знамя свое воровское с Литвы с Литвином с Часным Свирским посылал»⁹³.

Узнав, что Дон готов поддержать Дмитрия, Годунов не нашел ничего умнее, как послать на Дон Петра Хрущева, того самого, который в 1592 г. должен был стать начальником всего Войска Донского по назначению. Не слушая его уговоров, Войско заковало Хрущева в кандалы и выдало его Дмитрию (сентябрь 1604 г.). Станица, привезшая Хрущева, заявила, по словам польского источника, «как и прежде сего, что Войско находится в готовности и подданстве Царевичу, яко природному государю своему»⁹⁴.

Самозванец постоянно подчеркивал свой демократизм. В Туле (май – июнь 1605 г.), принимая главнейших представителей боярства, признавшего наконец его царем, он демонстративно «преже московских бояр» принял донских атаманов и казаков со Смогою Чертенским во главе, и казаки потешились тут над высокомерным и гордым боярством, тут же при царе «лаяли и позорили» их, а потом и Дмитрий «наказываше и лаяше» бояр «якоже прямой царский сын», указывая, что они признали его позже казаков и простого народа⁹⁵.

Сцена в Туле показала боярам, чего им ждать от Самозванца. Впоследствии сам Сигизмунд, помогавший Самозванцу сесть на престол, попрекал его память, говоря, что он «боярские дворы и животы, и поместья, и вотчины роздал худым людям, каков сам, и казаком донским и запорожским»⁹⁶. Не лучше было боярам и от тех донцов, которые поместий не искали. Атаман Корела расхаживал по Москве и «чудил», говоря, что он презирает блага мира сего. «Тогда, – говорит современник, – от злых врагов казаков и холопей все умные только плакали, не смея слова сказать; только назови кто царя разстригою, тот и пропал»⁹⁷.

Мы не знаем, дошло ли до Главного Войска знамя Самозванца, но оно не присягнуло ему, как не присягало, впрочем, ни Иоанну, ни Феодору, ни Борису. Равным образом не присягнул Дон и Василию Шуйскому, хотя тот и посылал на Дон – приводить донских казаков к присяге – Василия Толстого⁹⁸. Шуйский не питал нежных чувств к казакам и не снискал их симпатии. При нем часть донцов приняла участие в движении Болотникова, который заявлял себя верным слугою Дмитрия, но боролся в сущности во имя мести не только боярам, но и торговому классу. Как только кн. Шаховской поднял в Путивле и на Северной Украине восстание против Шуйского, во имя якобы уцелевшего Дмитрия, донцы снова двинулись на север на защиту «своего» царя. В это время на Дон явились терские казаки, которые шли на Русь с изобретенным ими «царевичем Петром», якобы сыном царя Феодора. Донцы охотно помогли «Петру» взять и разорить дотла г. Царев-Борисов, им ненавистный⁹⁹.

⁹² Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. СПб., 1868. Т. I. С. 83, 108. «Рустии з Дону казачее придоша к нему в Литву». Русская историческая библиотека. Т. XIII. С. 25–26 и 156.

⁹³ Собр. гос. грамот и договоров. Т. II. С. 323. Письмо (дек. 1606 г.).

⁹⁴ Там же. С. 173. Допросы. 3 сент. 1604 г.; Акты исторические. Т. II. С. 281.

⁹⁵ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства. Т. I. С. 209; Платонов С.Ф. Очерки. С. 271.

⁹⁶ Акты исторические. Т. II. С. 350.

⁹⁷ Палицын А. Сказание об осаде... 1822. С. 27. См. также: Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб., 1891.

⁹⁸ Донские дела. Т. I. С. 23.

⁹⁹ Кн. Катърев-Ростовский писал об этом: «к Петру прилепишася несмысленнии челоуцы казацкого того сонма», и с Дону «Петр» пошел «со множеством казацкого собрания». Памятники древ. письменности, относящиеся к Смутному времени.

Казачество «воровское» и вольное сочувственно отнеслось к идее социального переворота, брошенной Болотниковым. По словам современника, прокламации («воровские листы») Болотникова «велят боярским холопам побивати своих бояр и жены их, и вотчины, и поместья их сулят; и шпыням, и безымянным воров велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их пороз к себе» (к мятежникам) «и хотят им давати боярство и воеводство и окольниковство и дьячество...».

Однако подобная программа передела наличного имущества и перетасовки общественных классов оттолкнула от Болотникова имущие классы, пошедшие было за ним, да и «Дмитрий» (Молчанов) не явился из Польши, чтобы явно выдать себя за убитого Самозванца. Разбивши Болотникова, Шуйский жестоко казнил главных врагов, но служилых, а также вольных казаков отпустил на «старые печища» и на «польские юрты». Отпущены были и те владельческие люди, крестьяне и холопы, «за которых никто не имался в холопстве», и те, которые вышли в казаки войска по отпускным из холопства. Все эти люди вскоре явились к Москве снова, когда появился так называемый «Вор», или «Тушинский вор», как его прозвали.

Если донцы поддержали с Болотниковым призрака царя Дмитрия, одно имя его, то естественно, что они пошли к живому человеку, который довольно неожиданно для самого себя попал в Дмитрию. У Тушинского царика оказалось, помимо 20 000 поляков, 30 000 запорожцев, а также 15 000 донских казаков, не считая людей московских. Главная сила Вора была в казачестве. Идеалом последнего было насаждение в метрополии «казатчины», то есть того устройства, которое создано на Дону, в Запорожье, на Яике и т. д. Трудно сказать, во что, в какие государственные формы вылилось бы новое общественное и государственное устройство на Руси, если бы победило казачество. Но «казатчина» насаждалась не только донцами, которых тоже нельзя выставлять как борцов исключительно за республиканский и эгалитарный идеал, но и запорожцами и поляками, идеалом коих была добыча. Дело царика гибло не только потому, что он был самозванец в квадрате (Лже-Лже-Дмитрий), не только потому, что оно с начала было скомпрометировано иностранной помощью, но и оттого, что элементы государственного и общественного переустройства в его лагере отсутствовали или подавлялись просто разбойничьим элементом. «Казатчина» приняла форму анархии и грабежа, от которых крестьянство страдало не меньше высших классов. Между тем мода на самозванцев до того усилилась на Поле, что там их стали фабриковать десятками. Сам Вор уже в начале 1608 г. вынужден был издать список состряпанных «в казачьих юртах на Поле» конкурентов своих. Все это были царевичи: второй Петр, Феодор, Клементий, Савелий, Симеон, Василий и даже, просто, «царевич Ерошка, царевич Гаврилка, царевич Мартынка». Войско не имело отношения к этому «творчеству», но отдельные донцы к нему свою руку приложили.

Начало 1610 г. принесло бегство царика в Калугу, потому что Сигизмунд сам начал поход на Россию с целью покорить ее, и польская часть Тушинского войска отшатнулась к королю. Знатные тушинцы из москвичей послали послов к Сигизмунду, а донцы пошли за «Дмитрием» в Калугу, не желая служить чужеземцам. Тушинские же знатные москвичи, с Салтыковым во главе, просили королевича Владислава на московское царство и составили договор (4—14 февраля 1610 г.) об условиях, на которых должен был царствовать Владислав. Впоследствии, по свержении Шуйского, пункты февральского договора были повторены в договорной записи, заключенной 17/27 августа 1610 г. гетманом Жолкевским с Московским Временным правительством (боярина Мстиславского), о призвании на царство Владислава. И знатные тушинцы, в феврале, и бояре московские, в августе 1610 г., внесли в договор такой пункт: «На Волге, на Дону, на Яике и на Тереке казаки будет надобе, или ненадобе, о том государю Королевичу говорити з бояры и з думными людьми, как будет на государстве»¹⁰⁰. Таким образом, правящая

СПб., 1891. С. 662—663.

¹⁰⁰ Собр. гос. грамот и договоров. Т. II. С. 395 и 404.

группа метрополии в 1610 г. поставила вопрос о самом существовании казачьих демократий на Дону, Яике, Волге и Тереке. Интересно, что вопрос ставился лишь о вольном, но не о служилом казачестве. Донцы остались верны Вору до конца. Та часть их, которая осталась на Руси после гибели Вора, пошла за атаманом Ив. Заруцким, вступившим в союз с рязанцами, которые собирались под Москву на поляков. Организуя казачьи силы, Заруцкий разослал прокламации, призывая «людей боярских крепостных и старинных», всем обещая волю и жалование, «как другим вольным казакам». Земская часть ополчения шла за Прокопием Ляпуновым, казачья – за Заруцким, который жаловал казачьим атаманам города и волости. Попытка компромисса земщины и «казатчины» не удалась. Дума, собранная походным войском, большинством земских голосов постановила вернуть прежним владельцам беглых и выведенных насильно за время Смуты людей и крестьян. Решено было также не посылать казацких атаманов для сбора корму, а дворян и детей боярских со стрельцами и казаками. Недовольство казаков на Ляпунова было использовано поляками, которые подослали им поддельную грамоту Ляпунова. В ней говорилось, что казаки враги и разорители Московского государства, что их следует брать и топить, куда только они придут. «Когда Бог даст, Московское государство успокоится, тогда мы истребим этот злой народ...» Это была искусная подделка, удивительно удачная по содержанию, если сопоставить ее с известным договорным пунктом 1610 г. Ляпунов, явившийся для объяснения в казачий круг, был зарублен.

Заруцкий, оставшийся победителем, мстил земщине, отнимая у дворян, детей боярских и, вообще, у земских людей жалование, корм и самые поместья. Его деятельность вызывала резкую реакцию среди земщины. Восточные и северо-восточные города откликнулись на смерть Ляпунова грамотами, в которых они взаимно обещались «казаков в город не пущати... а выбрати бы нам на Московское государство государя всею землею российские державы; а будет казаки учнут выбирати... государя по своему изволению одни, не сослався со всею землею, и нам того государя на государство не хотети»¹⁰¹.

Эта переключка городов между собою была вызвана двумя обстоятельствами: во-первых, слухами – и довольно основательными – о желании Заруцкого провозгласить царем Воренка, то есть сына Марины от Вора; во-вторых, тем, что, после смерти Ляпунова, зачатки правительственной власти, организованные в земском ополчении 1611 г., попали в руки Заруцкого и казаков.

Движение, начатое Гермогеном, подхваченное Мининым и нижегородцами, привело земское ополчение 1612 г. к Москве. Временное правительство, организованное в Ярославле, составилось из элементов, враждебных казачеству. Оно полагало, что, убивши Ляпунова, «старые заводчики великому злу, атаманы и казаки, которые служили в Тушине лжеимени тому царю», желали всем в государстве «по своему воровскому обычаю владети». Присягнувши (в таборах под Москвой, 2 марта 1612 г.) псковскому Вору (новому самозванцу), казаки вернулись к «своему первому злому совету: бояр и дворян, и всех чинов людей и земских уездных лучших людей побити и животы разграбили и владети им по своему воровскому казацкому обычаю». «Первый злой совет» казачий – это было стремление казачества к уничтожению зависимости крестьянства от землевладельцев, к имущественному поравнению, к народоправству. Призывая к объединению дворянской земщины, ярославское правительство желало борьбы не только против чужеземцев, но и против «русских воров, которые новую в государстве кровь всчинают».

При приближении нового ополчения к Москве Заруцкий с Мариной и Воренком и с частью казаков побежал на юг. Он достиг р. Медведицы, но Дон его не поддержал. Добежал он до Яика, да был выдан и казнен. Так кончил вождь части казачества, еще недавно рассылавший из-под Москвы грамоты от «бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Ивана

¹⁰¹ Собр. гос. грамот и договоров. Т. II. С. 569.

Мартыновича Заруцкого». Достоинством Заруцкого и поддерживавшего его казачества было то, что они пошли с представителями земщины против польской «интервенции». Недостатком, его погубившим, было то, что он не столько стремился освободить народные низы, сколько сажал им помещиками своих же атаманов и казаков и изнурял их реквизициями и грабежом. Вместе с ним отхлынула на юг часть вольного и воровского казачества, убоявшаяся земщины.

Оставшиеся под Москвою под началом другого вождя казачества, кн. Дмитрия Трубецкого, казаки, среди коих было немало донцов, сыграли видную роль в очищении Москвы от поляков. Именно они подготовили отступление от Москвы гетмана Хоткевича, шедшего на помощь; они же в октябре 1612 г. взяли приступом Китай-город. Казацкие же атаманы, а не московские воеводы отбили от Волоколамска Сигизмунда, шедшего к Москве, и заставили его вернуться домой.

Вопрос об организации общегосударственной власти был разрешен путем компромисса между земщиной и казачеством; сперва «приговориша всею ратью съезжаться на Неглинне», то есть на нейтральном месте между казацким и земским лагерями («таборами»). Пожарский (от земщины) и Трубецкой (от казачества) писали, что они «по челобитию и по приговору всех чинов людей стали во единачестве и укрепились, что нам да выборному человеку Кузьме Минину Московского государства достигать и Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости; и розряд и всякие приказы поставили на Неглинне и на Трубе, и снесли в одно место и всякие дела делаем заодно...».

Пожарский и Трубецкой довольно быстро создали учредительный Земский собор, первый бесспорно всесловный Земский собор с участием посадских и даже сельских обывателей. Казачество приняло видное участие в предвыборной агитации. Сперва оно выставило Воренка, сына Тушинского вора, «казацкого царя»¹⁰². Но затем победила кандидатура сына тушинского же патриарха Филарета (Феодора) Никитича Романова – Михаила. В то время, когда дворянство разбивало свои голоса между Мстиславским, Голицыным, Трубецким и другими кандидатами, примиряясь на Михаиле, казацкая громада громко и единогласно поддержала Михаила. В то время, когда шла борьба партии на соборе, какой-то галицкий дворянин подал записку за Романова. Раздались сердитые голоса: «кто принес такое писание, откуда...»

Тогда разыгралась сцена весьма показательная. Из рядов выборных вышел один из донских атаманов и, демонстративно подошедши к столу, положил на него «писание».

– Какое это писание ты подал, атаман? – спросил его князь Д.М. Пожарский.

– О природном царе Михаиле Феодоровиче, – отвечал атаман.

«Прочетше писание атаманское, – пишет летописец, – бысть у всех согласен и единомыслен совет...»

Конечно, не «писание» атаманское было убедительно, а казацкие сабли, стоявшие за атаманом. Дворянство, склонявшееся, отчасти, к мысли о Михаиле, поддержало его кандидатуру. Казаки бушевали, требуя избрание того, кто по отцу тесно и неразрывно связан был с революционной эпохой. 21 февраля 1613 г. вооруженными толпами они явились на Красную площадь, и Михаил был выкрикнут прежде, чем поставили вопрос, кого, мол, выбирать.

Участие казаков в соборе 1613 г. несомненно, на избирательном акте есть и подписи «за них» (по их неграмотству). Но также несомненно и то, что Войско Донское, как таковое, не принимало участия в избрании царя.

Отдельные донские атаманы и казаки приняли участие в «государевом обирание», приняли присягу, ходили в Кострому упрашивать Михаила принять избрание¹⁰³. Но Войско не принимало участия ни в избрании царя, ни в присяге на верность¹⁰⁴.

¹⁰² Боярский сын Ив. Философов в конце ноября 1612 г. показывал полякам, что бояре и лучшие люди хотят Владислава, но прямо говорить не смеют, боясь казаков. «А казаки-де говорят, чтоб обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына и Воровского Калужского. И во всем-де казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят»...

¹⁰³ Донские дела. Т. I. На грамоте об избрании Михаила нет подписей за донских казаков: они имеются за рыльских,

Если сторонники народоправства и освобождения крестьян и не одержали победы в революции начала XVII в., то и дворянство, отстаивавшее московский государственный и общественный порядок, не в силах было раздавить вольные казачьи демократии. Последние вышли из Смуты окрепнувшими и пережили период расцвета и славы.

белгородских и ливенских «посадцких людей, и казаков, и стрельцов, и пушкарей», но здесь дело идет о служилых городских казаках. Собрание гос. грамот и договоров. Т. I. С. 635–643.

¹⁰⁴ С.Ф. Платонов правильно отметил, что казачество сыграло видную роль в избрании Михаила и что выбор этот связан был с воспоминаниями об участии Филарета в тушинском правительстве. *Платонов С.Ф.* Вопрос об избрании. Журнал Министерства народного просвещения, 1913. II. 188. Но не менее прав и А.И. Соболевский, говорящий, что это было больше служилое казачество московского Юга, а не «вольница». *Соболевский А.И.* Земщина и казаки при избрании на царство Михаила Романова // Российский архив. 1913. № 6. С. 625 и сл. По мнению Соболевского, вольные казаки или ушли к Заруцким на юг, или грабили крестьян на севере. По вопросу об избрании Михаила см. статью Готье в «Чтениях Общества истории и древностей». 1913. IV; *Цветаев Д.В.* Избрание Михаила Федоровича на царство. М., 1912. 79 с.; *Яблонский Н.* Монархическая идея в событиях Смут. времени. Харьков, 1913; *Сташевский Е.Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. I. Киев, 1913. 390 с.; сборник «Три века». М., 1913; Обзор у А.М. Гневушева «Нов. изд. материалы, касающиеся Смут. времени». Научн. ист. журнал. 1914. III.

Глава 9

Дон в эпоху вассалитета (1614–1671) и его международные отношения

Избрание Михаила при помощи казачества имело большое значение для установления хороших отношений между Московским государством и Донской колонией. Поляки прямо утверждали, что «Михаила выбрали не бояре, а взбунтованное казачество». Интересно, что, очищая север и центр Руси от воровского казачества, правительство Михаила сочло долгом сделать реверанс по адресу вольного и служилого казачества. Земский собор приговорил (сент. 1614 г.) «к атаманам и казакам, которые стоят в уездах и государеву землю пустошат», послать делегацию от собора, предложить тем атаманам и казакам, которые «хотят отобратися от воров, имен своих списки прислать к государю и идти на государеву службу», за которую царь «пожалует их денежным жалованием». Верных казаков собор призывал «на воров стоять за один и над ними промышлять для того, что они пуще и грубее литвы и немец, и «казаки» (то есть казаками) тех воров не называть, чтобы прямым атаманам, которые государю служат, тех воров казачьим именем безчестья не наносить»¹⁰⁵. Так что не было уже больше речи, нужны ли вообще казаки на Дону или нет.

Это не помешало тому же Михаилу Феодоровичу писать в 1617 г. «И мы вам Ахмет Салтанову величеству, про тех воров, про донских казаков, объявляем, что тут на Дону живут наших государств воры беглые люди и, казаки вольные, которые бегают из наших государств заворовав от татьбы и от разбою и от всяких смертных вин, боясь от нас смертные казни, и тут, на Дону живучи, воруют, сложася, ссылалися с запорожскими черкасы; по повеленью недруга нашего польского короля, в смутное время с польскими и с литовскими людьми и с запорожскими черкасы наши великие Российские государства воевали и многия места запустошили и единоплеменную крестьянскую кровь розлили и многую смуту те воры, называючи воров свою братью государскими детьми, учинили...» Царь обещал: по окончании польской войны «мы на тех воров пошлем рать свою и с Дону их велим сбíti...»¹⁰⁶.

Конечно, тут было много «словесности», необходимой для турок, но были и искренние ноты.

В 1613 г. уже начался отлив донцов, зашедших на Русь за время Смуты; тех, кто позадержался, и честью попросили. С Войском же Донским искали союза и Жигимонт (Сигизмунд) польский, и Москва. К первому после Смуты войсковому атаману, Смаге Чертенскому, были посланы послы от Жигимонта, что он «учинился на Московском государстве государем, и они б (донские казаки) служили ему так же, как и прежним московским государям...».

Со своей стороны, и Земский собор, продолжавший сотрудничать с молодым Михаилом в деле правления, и составлявший часть его Освященный (Духовный) собор посылали на Дон атаманам и казакам и «всему великому Войску»¹⁰⁷ грамоты, полные похвал донскому казачеству за его патриотическое участие в общенациональном деле. Напоминая донцам Ивана IV и Феодора к ним жалованье и их «прямую службу», собор просил казаков «потомуж» (также) «служить и прямити» и Михаилу и проводить до Азова царского посланника Солового Протасова. Собор звал казаков идти к Путивлю на поляков и тем «начальные службы свои и раденье

¹⁰⁵ Собр. гос. грамот и договоров. Т. III. С. 101.

¹⁰⁶ Исторические описания. С. 93; Донские дела. Т. I. С. 62, 70, 89, 147.

¹⁰⁷ Некоторые историки думают, что это был титул, данный донцам царями за отличия. На самом деле собор писал всему войску, всей Донской колонии, а не отдельной части: верховым или низовым казакам. «Все великое Войско» означало в XVII в. все Донское Войско, находящееся в сборе. П.Н. Краснов в 1918 г. превратил его во Всевеликое (Allmächtig, tout puissant).

к царю доказать...». «А за свою нынешнюю и прежнюю многую службу вы от всемогущего Бога милости, а от царя... великое жалованье, от всяких людей Московского государства и от окрестных государств честь и славу и похвалу будете иметь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.